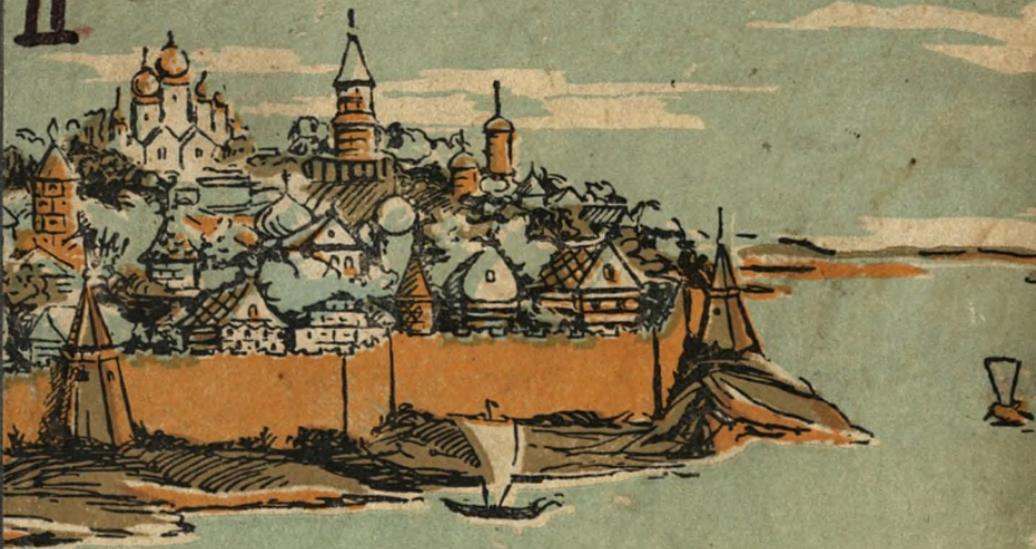
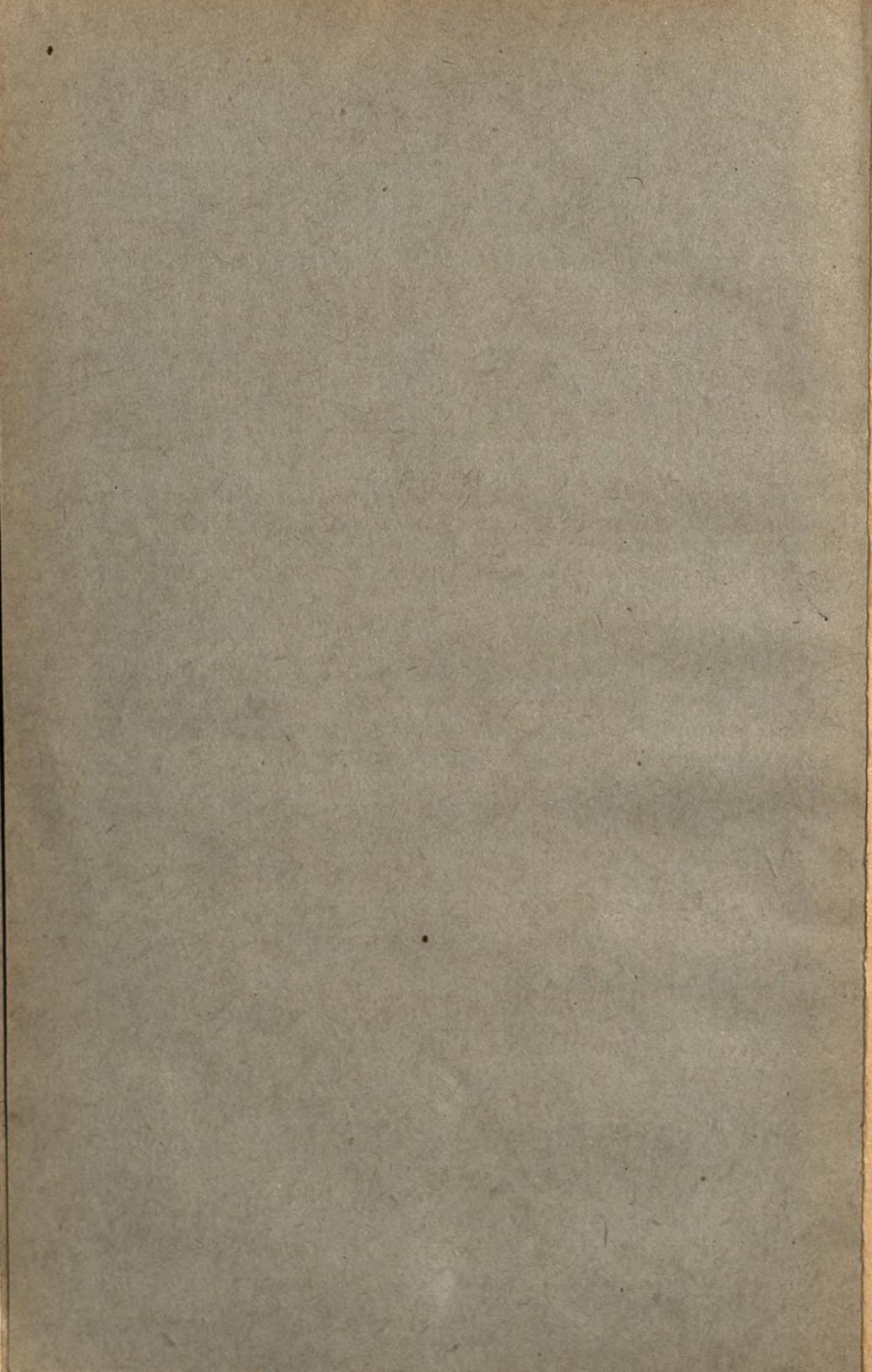

II 715.483

РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

Русские
народные
сказки

Пермское книжное издательство
г. Пермь — 1957 г.

кч

*Для младшего
школьного возраста*

Оформление М. В. Тарасовой

715483

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЧНЫЙ БИБЛИОТЕКАРЬ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ЦАРЕВНА — ЛЯГУШКА

В старые годы у одного царя было три сына. Вот когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

— Сынки мои любезные, покуда я ещё не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

— Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

— Вот что, сынки, возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили.

У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла её купеческая дочь.

А у младшего сына, Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела сам не знает куда. Вот он шёл, шёл, дошёл до болота, видит — сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

— Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу.

А лягушка ему отвечает:

— Возьми меня замуж!

— Что ты, как я возьму себе в жёны лягушку?

— Бери — знать, судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принёс домой. Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего — на купеческой, а несчастного Ивана-царевича — на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

— Хочу посмотреть, которая из ваших жён лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтраму по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил.

Лягушка по полу скачет, спрашивает его:

— Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

— Батюшка велел тебе к завтраму рубашку ему сшить.

Лягушка отвечает:

— Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лёг спать, а лягушка прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка опять по полу скачет, а уж рубашка лежит на столе, завёрнута в полотенце. Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понёс к отцу. Царь в это время принимал дары от больших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял её и сказал:

— Эту рубашку в чёрной избе носить.

Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

— В ней только в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку, изукрашенную золотом-серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул:

— Ну, вот это рубашка — в праздник её надевать.

Пошли братья по домам — те двое — и судят между собой:

— Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой

Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитра...¹

Царь опять позвал сыновей:

— Пускай ваши жёны испекут мне к завтраму хлеб.

Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван-царевич голову повесил, пришёл домой.

Лягушка его спрашивает:

— Что закручинился?

Он отвечает:

— Надо к завтраму испечь царю хлеб.

— Не тужи, Иван-царевич, лучше ложись спать, утро вечера мудренее.

А те невестки сперва-то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

Лягушка хитра, она это смекнула. Замесила квашню, печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокинула. Бабушка-задворенка прибежала к царским невесткам, всё рассказала, и те так же стали делать.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего родного батюшки ела.

Иван-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в ширинку¹, понёс к отцу. А царь в то время принимал хлебы от больших сыновей. Их жёны-то попускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала, и вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына, посмотрел и отослал в людскую. Принял от среднего и туда же отослал.

А как подал хлеб Иван-царевич, царь сказал:

— Вот это хлеб, только в праздник его есть.

И приказал царь трём своим сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с жёнами.

Опять воротился Иван-царевич домой невесел, ниже плеч голову повесил. Лягушка по полу скачет:

¹ Хитра — колдунья.

² Ширинка — полотенце.

— Ква-ква, Иван-царевич, что закручинился? Или услышал от батюшки слово неприветливое?

— Лягушка, лягушка, как мне не горевать! Батюшка наказал, чтобы я пришёл с тобой на пир, а как я тебя людям покажу?

Лягушка отвечает:

— Не тужи, Иван-царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Иван-царевич и пошёл один. Вот старшие братья приехали с жёнами, разодетыми, разубранными, нарумяненными, насурмлёнными. Стоят да над Иваном-царевичем смеются:

— Что же ты без жены пришёл? Хоть бы в платочке её принёс. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные — пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрясся. Гости напугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золочёная карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье — частые звёзды, на голове — месяц ясный, такая красавица — ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Берёт она Ивана-царевича за руку и ведёт за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки за правый рукав бросила.

Жёны больших-то царевичей увидали её хитрости и давай то же делать.

Попили, поели, настал черёд плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала, вертелась, вертелась — всем на диво. Махнула левым рукавом — вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом — поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом — только гостей забрызгали, махнули другим — только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашёл там лягушечью кожу и бросил её в печь, сжёл на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась — нет лягушечьей кожи. Села она на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:

— Ах, Иван-царевич, что же ты наделал? Если бы ты ещё только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кашея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно. Иван-царевич поплакал-поплакал, поклонился на четыре стороны и пошёл куда глаза глядят — искать жену, Василису Премудрую. Шёл он близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истёр, шапчонку дождик иссек. Попадает ему навстречу старый старичок.

— Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про своё несчастье. Старый старичок говорит ему:

— Эх, Иван-царевич, зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе её было снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на неё и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старого старичка и пошёл за клубочком. Клубок катится, он за ним идёт. В чистом поле попадает ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошёл дальше. Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе пригожусь.
Он пожалел селезня и пошёл дальше. Бежит косою заяц.

Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

— Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Пожалел он зайца, пошёл дальше. Подходит к синему морю и видит: на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

— Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в море, пошёл дальше берегом. Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу. Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

— Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич вошёл в неё и видит: на печи, на девятном кирпиче, лежит баба-яга, костяная нога, зубы — на полке, а нос в потолок врос.

— Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? — говорит ему баба-яга. — Дело пытаешь или от дела лытаешь?¹

Иван-царевич ей отвечает:

— Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде напоила, накормила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга его в бане выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

— Знаю-знаю, — говорит ему баба-яга, — твоя жена теперь у Кашея Бессмертного. Трудно её будет достать, нелегко с Кашеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кашей Бессмертный, как свой глаз, бережёт.

Иван-царевич у бабы-яги переночевал, и наутро она ему указала, где растёт высокий дуб. Долго ли, коротко

---

¹ Лытаешь — отлыниваешь.

ли, дошёл туда Иван-царевич, видит: стоит, шумит высокий дуб, на нём каменный сундук, а достать его трудно.

Вдруг, откуда ни взялся, прибежал медведь и выворотил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскочил заяц — и наутёк во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на неё селезень кинулся, как ударит её — утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море...

Тут Иван-царевич залился горькими слезами — где же в море яйцо найти!.. Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у неё конец ломать. Он ломает, а Кашей Бессмертный бьётся, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кашей — сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кашею помереть.

Иван-царевич пошёл в Кашеевы палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста. Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.

Гуси — Лебеди

Жили мужик да баба. У них была дочка да сынок маленький.

— Доченька, — говорила мать, — мы пойдём на работу, береги братца. Не ходи со двора, будь умницей — мы купим тебе платочек.

Отец с матерью ушли, а дочка позабыла, что ей приказывали: посадила братца на травке под окошко, сама побежала на улицу, заигралась, загулялась.

Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльях.

Вернулась девочка, глядь — братца нету. Ахнула, кинулась туда-сюда — нету.

Она его кликала, слезами заливалась, причитывала, что худо будет от отца с матерью, — братец не откликнулся.

Выбежала она в чистое поле и только видала: метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за тёмным лесом. Тут она догадалась, что они унесли её братца: про гусей-лебедей давно шла дурная слава, что они пошаливали, маленьких детей уносили.

Бросилась девочка догонять их. Бежала, бежала, увидела — стоит печь.

— Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели? Печка ей отвечает:

— Съешь моего ржаного пирожка — скажу,

— Стану я ржаной пирог есть! У моего батюшки и пшеничные не едятся...

Печка ей не сказала. Побежала девочка дальше — стоит яблоня.

— Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего лесного яблочка — скажу.

— У моего батюшки и садовые не едятся...

Яблоня ей не сказала. Побежала девочка дальше. Течет молочная река в кисельных берегах.

— Молочная река, кисельные берега, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего простого киселька с молочком — скажу.

— У моего батюшки и сливочки не едятся...

Долго она бегала по полям, по лесам. День клонился к вечеру, делать нечего — надо идти домой.

Вдруг видит — стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке, кругом себя поворачивается.

В избушке старая баба-яга прядёт кудель. А на лавочке сидит братец, играет серебряными яблочками.

Девочка вошла в избушку:

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, девица! Зачем на глаза явилась?

— Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться.

— Садись куда кудель прядь.

Баба-яга дала ей веретено, а сама ушла. Девочка прядёт — вдруг из-под печки выбегает мышка и говорит ей:

— Девица, девица, дай мне кашки, я тебе добренькое скажу.

Девочка дала ей кашки, мышка ей сказала:

— Баба-яга пошла баню топить. Она тебя вымоет-выпарит, в печь посадит, зажарит и съест, сама на твоих костях покатается.

Девочка сидит ни жива ни мертва, плачет, а мышка ей опять:

— Не дожидайся, бери братца, беги, а я за тебя кудель попряду.

Девочка взяла братца и побежала. А баба-яга подойдёт к окошку и спрашивает:

— Девица, прядёшь ли?

Мышка ей отвечает:

— Пряду, бабушка...

Баба-яга баню вытопила и пошла за девочкой. А в избушке нет никого. Баба-яга закричала:

— Гуси-лебеди, летите в погоню! Сестра братца унесла.

Сестра с братцем добежали до молочной реки. Видит — летят гуси-лебеди.

— Речка-матушка, спрячь меня!

— Поешь моего простого киселька.

Девочка поела и спасибо сказала. Река укрыла её под кисельным бережком.

Гуси-лебеди не увидели, пролетели мимо.

Девочка с братцем опять побежала. А гуси-лебеди воротились, летят навстречу, вот-вот увидят. Что делать? Беда! Стоит яблоня.

— Яблоня-матушка, спрячь меня!

— Поешь моего лесного яблочка.

Девочка поскорее съела и спасибо сказала.

Яблоня её заслонила ветвями, прикрыла листьями.

Гуси-лебеди не увидели, пролетели мимо.

Девочка опять побежала. Бежит, бежит, уж недалеко осталось. Тут гуси-лебеди увидели её, загоготали — налетают, крыльями бьют, того гляди братца из рук вырвут.

Добежала девочка до печки:

— Печка, печка, спрячь меня!

— Поешь моего ржаного пирожка.

Девочка скорее — пирожок в рот, а сама с братцем — в печь, села в устье¹.

Гуси-лебеди полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели к бабе-яге.

Девочка сказала печи спасибо и вместе с братцем прибежала домой.

А тут и отец с матерью пришли.

¹ Устье — устье, наружное отверстие в русской печи.

УКАЗКА О СЕРЕБРЯНОМ БЛЮДЕЧКЕ

Жили-были крестьянин с женою. У них было три дочери, все три красавицы. Старшие две — ленивые да нарядницы, всё бы им сидеть да охорашиваться; а третья, младшая, Алёнушка, — работающая и скромная. Краше всех сестёр была Алёнушка.

Обо всём заботится Алёнушка: и избу приберёт, и обед сготовит, и огород выполет, и воды принесёт. С родителями она была ласкова, к людям приветлива. Любили её отец с матерью больше всех дочерей. А от этого старших сестёр зависть брала.

Раз уехал отец с матерью в поле. Подошла к дому бедная старушка и попросила хлеба. Старшие сёстры с ней и говорить не захотели, а Алёнушка вынесла старушке калач и проводила её за ворота.

— Спасибо тебе, девица, — сказала старушка. — За доброту твою вот тебе совет: поедет твой батюшка на ярмарку, попроси его купить тебе для забавы серебряное блюдечко да наливное яблочко. Будешь катать яблочко по блюдечку да приговаривать:

Катись, катись, яблочко,
По серебряному блюдечку,
Покажи ты мне на блюдечке
Города и поля,
И леса и моря,
И гор высоту,
И небес красоту.

А коль случится нужда у тебя, девица, — помогу тебе. Попомни: живу я на краю леса дремучего и идти до моей избушки ровно три дня и три ночи.

Сказала старушка эти слова и ушла в лес.

Много ли, мало ли времени прошло, собрался крестьянин на ярмарку.

Спрашивает он дочерей:

— Каких вам гостинцев купить?

Одна дочь просит:

— Купи мне, батюшка, кумачу на сарафан.

Другая говорит:

— Купи мне ситцу узорчатого.

А Алёнушка просит:

— Дорогой мой свет-батюшка, купи мне серебряное блюдечко да наливное яблочко.

Обещал крестьянин дочерям исполнить их просьбу и уехал.

Вернулся он с ярмарки, привёз дочерям гостинцы: одной — ситцу узорчатого, другой — кумачу на сарафан, а Алёнушке — серебряное блюдечко да наливное яблочко. Старшие сёстры радуются подаркам, а над Алёнушкой смеются да ждут, что она будет делать с серебряным блюдечком и наливным яблочком.

А та не ест яблочко, села в уголок, катает яблочко по блюдечку и приговаривает:

Катись, катись, яблочко,
По серебряному блюдечку,
Покажи ты мне на блюдечке
Города и поля,
И леса и моря,
И гор высоту,
И небес красоту.

Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города видны, сёла на полях и корабли на морях, и гор высота, и небес красота, ясное солнышко с светлым месяцем кружатся, звёзды в хоровод собираются; так всё чудесно, что ни в сказке сказать, ни пером написать.

Загляделись сёстры, взяла их зависть, захотели они выманить у Алёнушки блюдечко с яблочком. Но Алёнушка ничего взамен не берёт.

Задумали тогда сёстры отнять у неё блюдечко с яб-

лочком обманом да силой. Похаживают, подговаривают:

— Душенька Алёнушка! Пойдём в лес по ягоды, земляничку соберём.

Согласилась Алёнушка, отдала блюдечко с яблочком отцу и пошла с сёстрами в лес.

По лесу Алёнушка бродит, ягоды собирает, а сёстры всё дальше её ведут. Завели в чащу, напали на Алёнушку, убили и под берёзой схоронили, а к отцу с матерью поздно вечером пришли и говорят:

— Алёнушка от нас убежала и пропала. Мы весь лес обошли, так и не нашли. Видно, её волки съели.

Горько заплакали отец с матерью, а сёстры просят у отца блюдечко и яблочко.

— Нет, — отвечает он им, — никому я не отдам блюдечко с яблочком. Пусть будут они мне на память об Алёнушке, дочери моей любимой.

Положил яблочко с блюдечком в ларец и замкнул.

Прошло немалое время. Гнал на заре пастушок мимо леса стадо. Одна овечка отстала и зашла в лес. Пошёл пастушок по лесу овечку отыскивать. Видит — стоит стройная белая берёзка, а под ней бугорок, а на нём вокруг цветы алые, лазоревые, а над цветами тростинка.

Срезал пастушок тростинку, сделал дудочку, и — диво дивное, чудо чудное — дудочка сама поёт, выговаривает:

Играй, играй, пастушок,
Играй потихоньку,
Играй полегоньку.
Меня, бедную, убили,
Под берёзку положили
За серебряное блюдечко,
За наливное яблочко.

Пришёл пастух в деревню, а дудочка всё поёт свою песенку.

Люди слушают — диву даются, пастуха выпрашивают.

— Люди добрые, — говорит пастух, — ничего я не знаю. Искал я в лесу овечку и увидел бугорок, на бугорке цветы, над цветами тростинка. Срезал я тростинку, сделал себе дудочку, а дудочка сама играет, выговаривает.

Случились тут отец и мать Алёнушки, и услышали они слова пастушка. Схватила мать дудочку, а дудочка сама поёт, выговаривает:

Играй, играй, родная маменька,
Играй потихоньку,
Играй полегоньку.
Меня, бедную, убили,
Под берёзку положили
За серебряное блюдечко
За наливное яблочко.

Сжалось сердце у отца и матери, как услышали они эти слова.

— Веди нас, пастух, — сказал отец, — туда, где срезал ты тростинку.

Пошли отец с матерью за пастухом в лес, и люди с ними пошли. Увидали под берёзой бугорок с цветами алыми, лазоревыми. Начали разрывать бугорок и нашли убитую Алёнушку.

Узнали отец с матерью дочь свою любимую и заплакали слезами неутешными.

— Добрые люди, — спрашивают они, — кто убил, загубил её?

Взял тут отец дудочку, а дудочка сама поёт-выговаривает:

Играй, играй, свет-батюшка,
Играй потихоньку,
Играй полегоньку.
Меня сёстры в лес зазвали,
Меня, бедную, убили,
Под берёзку положили
За серебряное блюдечко,
За наливное яблочко.
Ты пойди, пойди, свет-батюшка,
На край леса дремучего,
Там стоит изба тесовая,
В ней живёт старушка добрая,
Даст живой воды она в скляночке.
Чуть обрызнешь меня той водицею —
Пробужусь-очнусь от сна тяжкого,
От сна тяжкого, от сна смертного.

Пошли тогда отец с матерью на край леса дремучего. Шли они ровно три дня и три ночи и дошли до

лесной избушки. Вышла на крыльцо древняя старушка. Попросили у неё отец с матерью живой воды.

— Помогу я Алёнушке, — отвечает старушка, — за её сердце доброе.

Дала она им склянку с живой водой и говорит:

— Всыпьте в склянку горсть родимой земли — без того вода силы иметь не будет.

Земным поклоном поблагодарили старушку отец с матерью и пошли в обратный путь.

Пришли в деревню, насыпали, как велела старушка, горсть родимой земли в склянку с живой водой, взяли с собой сестёр-лиходеек и в лес пошли. И люди пошли с ними.

Пришли в лес. Спрыснул отец дочку живой водой — ожила Алёнушка. А сёстры-лиходейки испугались, белее полотна стали и признались во всём. Схватили их люди, связали и привели в деревню.

Тут собрался народ. И порешили наказать сестёр-лиходеек карою страшною — прогнать их с родимой земли. Так и сделали.

А Алёнушка вновь стала жить с отцом, с матерью, и любили они её пуще прежнего.

С815/Н
715483

Семилетка

Ехали два брата: один бедный, другой именитый, у обоих по лошади — у бедного кобыла, у именитого мерин. Остановились они на ночлег.

У бедного кобыла принесла ночью жеребёнка; жеребёнок подкатился под телегу богатого брата. Будит он наутро бедного:

— Вставай, брат! У меня телега ночью жеребёнка родила.

Брат встаёт и говорит:

— Как можно, чтобы телега жеребёнка родила? Это моя кобыла принесла.

Богатый говорит:

— Кабы твоя кобыла принесла, жеребёнок бы подле неё был.

Поспорили они и пошли судиться: именитый дарит судей деньгами, бедный словами оправдывается.

Дошло дело до самого царя.

Велел царь призвать обоих братьев и загадал им четыре загадки:

— Что всего в свете сильнее и быстрее? Что всего в свете жирнее? Что всего мягче? Что всего милее?

И положил им сроку три дня.

— На четвертый приходите, ответ дайте!

Богатый подумал-подумал, вспомнил про свою куму, пришёл к ней совета просить.

Она посадила его за стол, стала угощать, а сама спрашивает:

— Что так печален, куманёк?

— Да загадал мне государь четыре загадки, а сроку всего три дня положил.

— Что такое? Скажи мне.

— А вот что, кума: первая загадка — что всего в свете сильнее и быстрее?

— Экая загадка! У моего мужа карья кобыла есть, нет её быстрее. Коли кнутом приударить — зайца догонит.

— Вторая загадка: что всего в свете жирнее?

— У нас другой год рябой боров кормится; такой жирный стал, что и на ноги не подымается.

— Третья загадка: что всего в свете мягче?

— Известное дело — пуховик, уж мягче не выдумаешь.

— Четвёртая загадка: что всего в свете милее?

— Милее всего внучек Иванушка.

— Спасибо тебе, кума, научила уму-разуму, век не забуду.

А бедный брат залился горькими слезами и пошёл домой. Встречает его дочь-семилетка; только и семь было у него, что дочь одна.

— О чём ты, батюшка, вздыхаешь да слёзы ронишь?

— Как же мне не вздыхать, как слёз не ронять! Задал мне царь четыре загадки, которых мне и в жизнь не разгадать.

— Скажи мне, какие загадки.

— А вот какие, дочка: что всего в свете сильнее и быстрее, что всего жирнее, что всего мягче и что всего милее?

— Ступай, батюшка, и скажи царю: сильнее и быстрее всего ветер; жирнее всего земля: что ни растёт, что ни живёт — земля питает; мягче всего рука: на что человек ни ляжет, а всё под голову руку кладёт; а милее сна нет ничего на свете.

Пришли к царю оба брата: и богатый и бедный. Выслушал их царь и спрашивает бедного:

— Сам ли дошёл или кто тебя научил?

Отвечает бедный:

— Ваше царское величество, есть у меня дочь-семилетка, она меня научила.

— Когда дочь твоя мудра, вот ей ниточка шелковá; пусть к утру соткёт мне полотенце узорчатое.

Мужик взял шёлковую ниточку, приходит домой кручинный, печальный.

— Беда наша! — говорит дочери. — Царь приказал из этой ниточки соткать полотенце.

— Не кручинься, батюшка, — отвечала семилетка.

Отломилла она прутик от веника, подаёт отцу и наказывает:

— Поди к царю, скажи, чтобы нашёл такого мастера, который бы сделал из этого прутика кросны¹: было бы на чём полотенце ткать.

Мужик доложил про то царю. Царь даёт ему полтора яиц.

— Отдай, — говорит, — своей дочери. Пусть к завтраму выведет мне полтора яиц цыплят.

Воротился мужик домой ещё кручиннее, ещё печальнее.

— Ах, дочка! От одной беды увернёшься — другая навяжется.

— Не кручинься, батюшка, — отвечала семилетка.

Попекла она яйца и припрятала к обеду да к ужину, а отца посылает к царю:

— Скажи ему, что цыплятам на корм нужно однодённое пшено: в один бы день было поле вспахано, прося засеяно, сжато и обмолочено. Другого пшена наши цыплята и клевать не станут.

Царь выслушал и говорит:

— Когда дочь твоя мудра, пусть наутро сама ко мне явится — ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцами, ни без подарочка.

«Ну, — думает мужик, — такой хитрой задачи и дочь не разрешит; пришло совсем пропадать».

— Не кручинься, батюшка, — сказала ему дочь семилетка, — ступай-ка к охотникам да купи мне живого зайца да живую перепёлку.

Отец пошёл и купил ей зайца и перепёлку.

На другой день поутру сбросила семилетка всю одежду, надела на себя сетку, в руки взяла перепёлку, села верхом на зайца и поехала во дворец.

Царь её у ворот встречает. Поклонилась она царю:

¹ Кросны — ткацкий станок.

— Вот тебе, государь, подарочек, — и подаёт ему перепёлку.

Царь протянул было руку: перепёлка порх! — и улетела.

— Хорошо, — говорит царь, — как приказал, так и сделала. Скажи мне теперь: ведь отец твой беден, так чем вы кормитесь?

— Отец мой на сухом берегу рыбу ловит, ловушки в воду не ставит, а я подолом рыбу ношу да уху варю.

— Что ты, глупая! Когда рыба на сухом берегу живёт? Рыба в воде плавает.

— А ты умён! Когда видано, чтоб телега жеребёнка принесла? Не телега — кобыла родит.

Царь присудил отдать жеребёнка бедному мужику.

НИКИТА - КОЖЕМЯКА

В старые годы появился невдалеке от Киева страшный змей. Много народа из Киева потаскал в свою берлогу, потаскал и поел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел её, а крепко-накрепко запер в своей берлоге. Увязалась за царевной из дому маленькая собачонка. Как улетит змей на промысел, царевна напишет записочку к отцу, к матери, привяжет записочку собачонке на шею и пошлёт её домой. Собачонка записочку отнесёт и ответ принесёт.

Вот раз царь и царица пишут царевне: узнай-де от змея, кто его сильней. Стала царевна от змея допытываться и допыталась.

— Есть, — говорит змей, — в Киеве Никита Кожемяка — тот меня сильней.

Как ушёл змей на промысел, царевна и написала к отцу, к матери записочку: есть-де в Киеве Никита Кожемяка, он один сильнее змея. Пошлите Никиту меня из неволи выручить.

Сыскал царь Никиту и сам с царицею пошёл его просить выручить их дочку из тяжёлой неволи. В ту пору мял Кожемяка разом двенадцать воловьих кож.

Как увидел Никита царя — испугался: руки у Никиты задрожали, и разорвал он разом все двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его испугали и ему убытку наделали, и сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручить царевну, не пошёл.

Вот и придумал царь с царицей собрать пять тысяч малолетних сирот — осиротил их лютый змей—и послали их просить Кожемяку освободить всю русскую землю от великой беды. Сжалился Кожемяка на сиротские слёзы, сам прослезился. Взял он триста пудов пеньки, насмолил её смолою, весь пенькою обмотался и пошёл.

Подходит Никита к змеиной берлоге, а змей заперся, брёвнами завалился и к нему не выходит.

— Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу! — сказал Кожемяка и стал уже брёвна руками разбрасывать.

Видит змей беду неминуемую, некуда ему от Никиты спрятаться, вышел в чистое поле.

Долго ли, коротко ли они билися, только Никита повалил змея на землю и хотел его душить. Стал тут змей молить Никиту:

— Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнее нас с тобой никого на свете нет. Разделим весь свет поровну: ты будешь владеть в одной половине, а я в другой.

— Хорошо, — сказал Никита. — Надо же прежде между проложить, чтобы потом спору промеж нас не было.

Сделал Никита соху в триста пудов, запряг в неё змея и стал от Киева между прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда в две сажени с четвертью. Провёл Никита борозду от Киева до самого Чёрного моря и говорит змею:

— Землю мы разделили—теперь давай море делить, чтобы о воде промеж нас спору не вышло.

Стали воду делить — вогнал Никита змея в Чёрное море да там его и утопил.

Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи мять, не взял за свой труд ничего. Царевна же воротилась к отцу, к матери.

Борозда Никитина, говорят, и теперь кое-где по степи видна; стоит она валом сажени на две высоту. Кругом мужички пашут, а борозды не распахивают: оставляют её на память о Никите Кожемяке.

ЛИСА И ТЕТЕРЕВ

Тетерев сидел на дереве. Лисица подошла к нему и говорит:

— Здравствуй, тетеревочек, мой дружок! Как услышала твой голосочек, так и пришла тебя проведать.

— Спасибо на добром слове, — сказал тетерев.

Лисица притворилась, что не расслышала, и говорит:

— Что говоришь? Не слышу. Ты бы, тетеревочек, мой дружок, сошёл на травушку погулять, поговорить со мной, а то я с дерева не расслышу.

Тетерев сказал:

— Боюсь я сходить на траву. Нам, птицам, опасно ходить по земле.

— Или ты меня боишься? — сказала лисица.

— Не тебя, так других зверей боюсь, — сказал тетерев. — Всякие звери бывают.

— Нет, тетеревочек, мой дружок, нынче указ объявлен, чтобы по всей земле мир был. Нынче уж звери друг друга не трогают.

— Вот это хорошо, — сказал тетерев. — А то вот собаки бегут. Кабы по-старому, тебе бы уходить надо, а теперь тебе бояться нечего.

Лисица услышала про собак, наострила уши и хотела бежать.

— Куда ж ты? — сказал тетерев. — Ведь нынче указ,
собаки не тронут.

— А кто их знает! — сказала лиса. — Может, они
указ не слышали.

И убежала.

Мужик и медведь

Мужик поехал в лес репу сеять. Пашет там да работает. Пришёл к нему медведь:

— Мужик, я тебя сломаю.

— Не ломай меня, медведюшка, лучше давай вместе репу сеять. Я себе возьму хоть корешки, а тебе отдам вершки.

— Быть так, — сказал медведь. — А коли обманешь, так в лес ко мне хоть не езд.

Сказал и ушёл в дуброву.

Репка выросла крупная. Мужик приехал осенью копать репу. А медведь из дубровы вылезает:

— Мужик, давай репу делить, мою долю подавай!

— Ладно, медведюшка, давай делить: тебе вершки, а мне корешки.

Отдал мужик медведю всю ботву, а репу наклал на воз и повёз в город продавать.

Навстречу ему медведь:

— Мужик, куда ты едешь?

— Еду, медведюшка, в город корешки продавать.

— Дай-ка попробовать, каков корешок.

Мужик дал ему репу. Медведь, как съел:

— А-а! — заревел. — Мужик, обманул ты меня! Твои корешки сладеньки. Теперь не езд ко мне в лес по дрова, а то заломаю.

На другой год мужик посеял на том месте рожь. Приехал жать, а уж медведь его дожидается:

— Теперь меня, мужик, не обманешь! Давай мою долю.

— Быть так. Бери, медведюшка, корешки, а я себе возьму хоть вершки.

Собрали они рожь. Отдал мужик медведю корешки, а рожь наклал на воз и увёз домой.

Медведь бился, бился — ничего с корешками сделать не мог.

Рассердился он на мужика, и с тех пор у медведя с мужиком вражда пошла.

БАРИН И ПЛОТНИК

Ехал плотник из лесу, толстое бревно вёз. Навстречу ему барин на тройке катит:

— Эй, мужик, вороти с дороги!

— Нет, барин, ты вороти. Я с возом, а ты порожняком — тебе и воротить.

Не стал барин много разговаривать, крикнул кучеру да слуге:

— Свалите, ребята, воз с дороги да всыпьте мужику хорошенько, чтобы знал, как барину перечить!

Слуга с кучером не посмели барина послушаться, с козел соскочили, воз опрокинули в канаву, а плотника пбили. Потом сели и поехали, только пыль столбом завилась.

Бился, бился плотник — вызволил кой-как воз из канавы, а сам думает: «Ладно, барин, даром тебе это не пройдёт! Будешь помнить, как мастерового человека обижать».

Добрался до дому, свалил бревно, захватил пилу да топор и отправился в помещицью усадьбу. Идёт мимо барского дома и кричит:

— Кому тёплые сени сработать, кому баню срубить?

А барин строиться любил. Услыхал и зовёт плотника:

— Да сумеешь ли ты хорошо сени построить?

— Отчего не сумею! Вот неподалёку отсюда такой лес растёт, что коли из того леса сени построить, так и

зимой их топить не надо, всегда будет тепло. — И зовёт барина: — Пойдём со мной строевой лес выбирать.

Пришли в лес. Ходит плотник от дерева к дереву да обухом поколачивает. Ударит, потом ухом приложится, послушает.

— Это нам не годится... А вот это — в самый раз подойдёт.

Спрашивает барин:

— Как это ты можешь узнать, какое дерево годится? Научи и меня.

Подвёл его плотник к толстому дереву:

— Обними вот это дерево и ухом крепче прижмись.

— Да у меня руки не хватают обнять дерево!

— Ничего, давай привяжу.

Привязал барина за руки к дереву, выломал березовый прут и давай его тем прутом потчевать. Бьёт да приговаривает:

— Я тебе и ещё взбучку дам! Будешь знать, как мужика напрасно обижать.

Бил, бил, бил и оставил барина к дереву привязанным. Сам ушёл.

Только на другой день нашли барина, отвязали его и привезли домой.

Слёг барин с тех побоев в постель, хворает.

А плотник прикинулся знахарем, переоделся так, что узнать нельзя, и пришёл в усадьбу:

— Не надо ли кого полечить, поправить?

Барин услышал и зовёт:

— Полечи, братец, меня! Кони понесли, да вот упал и с тех пор ни сесть, ни встать не могу.

— Отчего не полечить! Прикажи истопить баню, да скажи, чтобы никто к нам входить не смел, а то сглазят и всё леченье пропадёт, ещё хуже тебе будет.

Баню вытопили. Привёл плотник барина, двери запер и говорит:

— Раздевайся и ложись на скамью. Буду тебя едучей мазью мазать да парить, придётся тебе потерпеть.

— Лучше ты меня привяжи к скамье, а то как бы не упасть.

Плотнику того и надо. Привязал барина к скамье крепко-накрепко и давай ремнём стегать. Бьёт да приговаривает:

— Не обижай напрасно мастерового человека, не обижай мужика!

Напотчевал барина сколько надо и ушёл домой.

На другой день приехал барин в город, увидел на базаре плотника и спрашивает:

— Скажи, мужичок, ты ведь вчерашний?

А плотник смекнул, в чём дело, и отвечает:

— Никак нет, мне сорок шесть лет, какой же я вчерашний!

ХАВРОШЕЧКА

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка.

Осталась она сиротой, взяли её эти люди, выкормили и работой заморили: она и ткёт, она и прядёт, она и прибирает, она и за всё отвечает.

А были у её хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазкой, средняя Двуглазкой, а меньшая Триглазкой.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: для них пряла и ткала, их обшивала — и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать:

— Коровушка-матушка! Меня бьют, жуют, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрядь, наткать, побелить и в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — всё будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого — всё готово: и наткано, и побелено, и в трубы покатано.

Отнесёт она холсты к хозяйке. Та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке ещё больше работы задаст.

Хаврошечка опять придёт к коровушке, обнимет её, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмёт, принесёт хозяйке.

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает: и ткёт, и прядёт, и в трубы катает.

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле да забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка все наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Так ничего хозяйка не дозналась и послала вторую дочь — Двуглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказанье, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила. Коровушка поткала, побелила, в трубы накатала, а Двуглазка всё спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь — Триглазку, а сироте ещё больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала.

Хаврошечка поёт:

— Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глазка у Триглазки заснули, а третий глазок всё видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала.

Триглазка вернулась домой и матери всё рассказала.

Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

— Режь рябую корову.

Старик и так и сяк:

— Что ты, старуха, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

— Режь, да и только!

Делать нечего, стал точить старик ножик. Хаврошечка про это спознала, в поле побежала, обняла рябую коровушку и говорит:

— Коровушка-матушка, тебя резать хотят!

А коровушка ей отвечает:

— А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их скори и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай.

Старик зарезал коровушку. Хаврошечка всё сделала, что коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса её в рот не брала, косточки её зарыла и каждый день в саду поливала.

И выросла из них яблонька, да какая! Яблоки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли, Одноглазка, Двуглазка и Триглазка гуляли раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек — богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки, стал затрагивать девушек:

— Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесёт, та за меня замуж пойдёт.

Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне.

А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами.

Сёстры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучки косы расплетают.

Как ни бились, ни метались — руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка — веточки к ней приклонились и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился.

И стала она в добре поживать, лиха не зная.

Лиса и журавль

Лиса с журавлём подружились.

Вот вздумала лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости:

— Приходи, куманёк, приходи, дорогой! Уж я тебя угощу.

Пошёл журавль на званый пир. А лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчует:

— Покушай, голубчик-куманёк, — сама стряпала.

Журавль стук-стук носом по тарелке, стучал, стучал — ничего не попадает!

А лисица лижет себе да лижет кашу, так всё сама и съела.

Кашу съела и говорит:

— Не обессудь, куманёк! Больше потчевать нечем.

Журавль ей отвечает:

— Спасибо, кума, и на этом. Приходи ко мне в гости.

На другой день приходит лиса к журавлю, а он приготовил окрошку, наклал в кувшин с узким горлышком, поставил на стол и говорит:

— Кушай, кумушка. Право, больше нечем потчевать.

Лиса начала вертеться вокруг кувшина. И так зайдёт, и этак, и лизнёт его, и понюхает-то — никак достать не может: не лезет голова в кувшин.

А журавль клюёт себе да клюёт, пока всё не съел.

— Ну, не обессудь, кума! Больше угощать нечем.

Взяла лису досада. Думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла — несолоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось.

С тех пор и дружба у лисы с журавлём врозь.

Журавль и цапля

Летела сова — весёлая голова.

Вот она летала, летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела, — летала, летала и села, хвостиком повертела да по сторонам посмотрела и опять полетела, — летала, летала...

Это присказка, а сказка вот какая.

Жили-были на болоте журавль да цапля. Построили они себе по концам¹ избушки.

Журавлю стало скучно жить одному, и задумал он жениться: «Дай пойду посватаюсь к цапле».

Пошёл журавль, — тят-тят! — семь вёрст болото месил.

Приходит и говорит:

— Дома ли цапля?

— Дома.

— Выдь за меня замуж!

— Нет, журавль, не пойду за тебя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то тебе меня нечем. Ступай прочь, долговязый!

Пошёл журавль домой несолоно хлебавши.

Цапля после раздумалась: «Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля».

Приходит к журавлю и говорит:

---

¹ По концам — то есть журавль на одном конце болота, а цапля — на другом.

— Журавль, возьми меня замуж!

— Нет, цапля, мне тебя не надо. Не хочу жениться, не возьму тебя замуж. Убирайся!

Цапля заплакала со стыда и воротилась домой.

Ушла цапля, а журавль раздумался: «Напрасно не взял за себя цаплю! Ведь одному-то скучно».

Приходит и говорит:

— Цапля! Я вздумал на тебе жениться, пойдёшь за меня!

— Нет, журавль, не пойду за тебя замуж.

Пошёл журавль домой. Тут цапля раздумалась: «Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду».

Приходит она свататься, а журавль не хочет.

Вот так-то и ходят они по сию пору один к другому свататься, да никак не женятся.

КАК МУЖИК ГУСЕЙ ДЕЛИЛ

У одного бедного мужика не стало хлеба. Вот он и задумал попросить хлеба у барина. Чтобы было с чем идти к барину, он поймал гуся, изжарил его и понёс. Барин принял гуся и говорит мужику:

— Спасибо, мужик, тебе за гуся; только не знаю, как мы твоего гуся делить будем. Вот у меня жена, два сына да две дочери. Как бы нам разделить без обиды?

Мужик говорит:

— Я разделю.

Взял ножик, отрезал голову и говорит барину:

— Ты всему дому голова — тебе голову.

Потом отрезал задок, подаёт барыне.

— Тебе, — говорит, — дома сидеть, за домом смотреть, — тебе задок.

Потом отрезал лапки и подаёт сыновьям.

— Вам, — говорит, — ножки — топтать отцовские дорожки.

А дочерям дал крылья.

— Вы, — говорит, — скоро из дома улетите, вот вам по крылышку. А остаточки себе возьму!

И взял всего гуся.

Барин посмеялся, дал мужику хлеба и денег.

Услыхал богатый мужик, что барин за гуся награждал бедного мужика хлебом и деньгами, зажарил пять гусей и понёс к барину.

Барин говорит:

— Спасибо за гусей. Да вот у меня жена, два сына, две дочки — всех шестеро. Как бы поровну разделить твоих гусей?

Стал богатый мужик думать и ничего не придумал.

Послал барин за бедным мужиком и велел делить.

Бедный мужик взял — одного гуся дал барину с барыней и говорит:

— Вот вас трое с гусем.

Одного дал сыновьям:

— И вас, — говорит, — трое.

Одного дал дочерям:

— И вас трое.

А себе взял двух гусей.

— Вот, — говорит, — и нас трое с гусями, — всё поровну.

Барин посмеялся и дал бедному мужику ещё денег и хлеба, а богатого прогнал.

Беззаботный монастырь

Жили в одном монастыре триста монахов да игумен. Монастырь был богатый, доходов много. И живут все монахи припеваючи. Пьют-едят сладко, спят долго, а работы нет никакой.

Прослышал про беззаботное монастырское житьё царь Пётр и задумался: «Как так! Весь наш народ и сам я всё в трудах да заботах, отдохнуть некогда, ни днём, ни ночью покоя нет, а тут триста человек живут, как сыр в масле катаются! Пьют-едят сладко, спят долго. Ни заботы, ни работы не знают. Совсем ожирели на лёгких хлебах».

И послал царь в тот монастырь гонца:

— Поезжай, скажи игумену: приказал-де царь считать звёзды на небе и узнать, глубока ли земля; да пусть тот игумен узнает, о чём я думаю, что у меня, у царя, на уме. Сроку дай три дня. На четвёртый день пусть сам игумен с ответом ко мне придёт! Коли не исполнит моего приказания, всех монахов и самого игумена велю на работу отправить, а монастырь велю закрыть.

Получил игумен беззаботного монастыря царский приказ, затужил, запечалился:

— Ох, беда пришла неминуемая!

И рассказал монахам всё как есть.

И монахи головы повесили. Думали, думали — ничего придумать не могли.

А в ту пору зашёл в монастырь отставной солдат и спрашивает:

— Чего, старцы, горюете? Жили всегда без нужды, без печали, а теперь головы повесили.

Монахи ему отвечают:

— Ох, солдат, не знаешь нашего горя великого. Велел царь три загадки отгадать и через три дня игумену с ответом во дворец прийти.

— Какие такие загадки царь загадал? — спрашивает солдат.

— Надо сосчитать, сколько есть звёзд на небе, узнать, глубока ли земля, и сказать, что у царя на уме, о чём он думает.

Выслушал солдат и говорит:

— Знал бы я, как царю ответ держать, кабы был на вашем месте.

Монахи побежали к игумену:

— Вот солдат берётся загадки отгадать и царю ответ дать.

Просит игумен солдата:

— Бери, служивый, чего хочешь, только пособи нашему горю, научи, как царю отвечать.

А солдат и говорит:

— Ничего мне не надо. Давай твою одежду, я вместо тебя к царю пойду.

Обрадовался игумен, и все монахи повеселели:

— Ну, слава богу, беда миновала! Как гора с плеч долой.

Стали солдата угощать:

— Пей, ешь, чего только душа пожелает.

И сами себя не забывали — так наугощались, что сутки после отлёживались. А тут приспела пора и к царю идти.

Переделся солдат в игуменскую одежду и пошёл во дворец.

Спрашивает царь:

— Ну как, отгадал мои загадки?

— Отгадал, ваше царское величество.

— Сколько звёзд насчитал на небе? — спрашивает царь.

— Семьсот сорок две тысячи четыреста восемьдесят девять звезд.

— Правду говоришь?

— Я, царское величество, сосчитал правильно, а коли не веришь, сосчитай сам, проверь.

Царь усмехнулся и спрашивает:

— Ну ладно, а велика ли земная глубина?

— Земная глубина крепко велика.

— А ты как узнал?

— Да вот мой батюшка ушёл в землю скоро будет тридцать лет и до сей поры назад не воротился — значит, крепко велика земная глубина.

— Ну, а теперь скажи, — спрашивает царь, — о чём я думаю? Что у меня, у царя, на уме?

— Ты, царское величество, сейчас думаешь: «Молодец игумен, сумел мне ответ дать».

Царь похвалил его:

— Правда твоя. Молодец игумен, все мои загадки отгадал.

А солдат говорит:

— Вот тут-то ты и дал маху, ваше царское величество.

— Как так? — спрашивает царь.

— Да так. Принял ты меня, своего отставного солдата, за игумена.

Удивился царь, стал спрашивать и узнал, кто ему загадки отгадал. Солдат всю правду рассказал. Царь посмеялся и велел солдата наградить, а игумена да монахов приказал на работу послать.

Шомякин суд

Жили два брата. Один-то был бедный, а другой богатый. Не стало у бедного брата дров. Нечем вытопить печь. Холодно в избе.

Пошёл он в лес, дров нарубил, а лошади нет. Как дрова привезти?

— Пойду к брату, попрошу коня.

Неласково принял его богатый брат:

— Взять коня возьми, да смотри большого возу не накладывай. Вперёд на меня не надейся: сегодня дай да завтра дай, а потом и сам по миру ступай.

Привёл бедняк коня домой и вспомнил:

— Ох, хомута-то у меня нет! Сразу не спросил, а теперь и ходить нечего — не даст брат.

Кое-как привязал покрепче дровни к хвосту братина коня и поехал.

На обратном пути зацепились дровни за пень, а бедняк не заметил, подхлестнул коня.

Конь был горячий, рванулся и оторвал хвост.

Как увидал богатый брат, что у коня хвоста нет, заругался, закричал:

— Сгубил коня! Я этого дела так не оставлю!

И подал на бедняка в суд.

Много ли, мало ли времени прошло, зовут братьев в город на суд.

Идут они, идут. Бедняк думает: «Сам в суде не бывал, а пословицу слышал: слабый с сильным не борись, а бедняк с богатым не судись. Засудят меня».

Шли они как раз по мосту. Перил не было. Поскользнулся бедняк и упал с моста. А на ту пору внизу по льду ехал купец, вёз старика-отца к лекарю.

Бедняк упал да прямо в сани попал и ушиб старика насмерть, а сам остался жив и невредим.

Купец ухватил бедняка:

— Пойдём к судье!

И пошли в город трое: бедняк, богатый брат и купец.

Совсем бедняк пригорюнился: «Теперь-то уж, как пить дать, засудят».

Тут он увидел на дороге увесистый камень. Схватил камень, завернул в тряпку и сунул за пазуху: «Семь бед — один ответ: коли не по мне станет судья судить да засудит, убью и судью».

Пришли к судье. К прежнему делу новое прибавилось. Стал судья судить, допрашивать.

А бедный брат поглядит на судью, вынесет из-за пазухи камень в тряпке, да и шепчет судье:

— Суди, судья, да поглядывай сюда!

Так раз, и другой, и третий. Судья увидел и думает: «Уж не золото ли мужик показывает?»

Ещё раз взглянул — посул большой: «Коли и серебро — денег много».

И присудил бесхвостого коня держать бедному брату до тех пор, покуда у коня хвост не отрастёт.

А купцу сказал:

— За то, что этот человек убил твоего отца, пусть он сам станет на льду под тем же мостом, а ты прыгни на него с моста и задави его самого насмерть, как он твоего отца задавил.

На том суд и кончился.

Богатый брат говорит:

— Ну, ладно, так и быть, возьму у тебя бесхвостого коня.

— Что ты, братец! — бедняк отвечает. — Уж пусть будет, как судья присудил: подержу твоего коня до тех пор, покуда хвост не вырастет.

Стал богатый брат уговаривать:

— Дам тебе тридцать рублей, только отдай коня.

— Ну ладно, давай деньги.

Отсчитал богатый брат тридцать рублей, и на том они поладили.

Тут и купец стал просить:

— Слушай, мужичок, я тебе твою вину прощаю, всё равно родителя не воротишь.

— Нет уж, пойдём, коли суд присудил, — прыгай на меня с моста.

— Не хочу твоей смерти. Помиришь со мной, а я тебе сто рублей дам, — просит купец.

Получил бедняк с купца сто рублей. И только собрался уходить, подзывает его судья:

— Ну, давай посулённое.

Вынул бедняк из-за пазухи узелок, развернул тряпицу и показал судье камень:

— Вот его тебе показывал да приговаривал: «Суди, судья, да поглядывай сюда». Кабы ты меня засудил, так я б тебя убил.

«Вот и хорошо, — думает судья, — что судил я по этому мужику, а то бы и живу не быть».

А бедняк весёлый, с песенками домой пришёл.

НАХОДЧИВЫЙ СОЛДАТ

Царю Петру хотелось самому до всего дознаться. Переоденется он иной раз в простое платье и пойдёт по городу, слушает людскую молву и сам в разговоры вступает.

Вот раз зашёл таким манером в питейное заведение. А день был праздничный, народу много набралось. Сидят по трое, по четверо, и кто о чём разговоры ведут.

Огляделся Пётр и подсел к крайнему столу, а за столом солдат сидит, сам-друг водочку попивает.

Подсел Пётр и спрашивает:

— Откуда родом, служивый?

— Костромской я, — солдат отвечает.

Улыбнулся Пётр:

— Земляки, значит. Дед мой тоже из костромских.

Угощает солдат Петра:

— Выпей, землячок!

Выпил Пётр и от себя заказал графинчик.

— А по какой части, земляк? Что в городе делаешь?

— Мастеровой я, по плотницкой части. Пётр Алексеев зовусь.

— Вот-вот, — солдат говорит, — так и думал, что плотник. У нас, у костромских это ведь первое ремесло. И дед, и родитель, и сам я тоже плотники.

Разговаривают так, выпивают. Захмелел солдат:

— А что, земляк, закажем ещё графинчик!

Пётр отказывается:

— Денег нет. Да и тебе ведь рано утром вставать: служба!

— Это ничего, а денег нет — палаш заложим.

Пётр уговаривает:

— Что ты, земляк, выдумал! Палаш заложишь, а вдруг ночью тревога, что станешь делать?

Смеётся солдат:

— Наши офицеры да генералы спят до полудни. Семь раз можно выкупить заклад.

— Ну, ты как хочешь, а мне домой пора.

Поднялся Пётр и ушёл. А солдат палаш заложил, выпил ещё графинчик и с песенками отправился в казарму.

Утром, ни свет ни заря, в полку тревога:

— Царский смотр, царский смотр! Царь приехал в полк!

Солдат вскочил, амуницию надел, а палаша нет. Что делать?

Раздумывать некогда. Обстругал лучинку, рукоятку сажей зачернил и сунул лучинку в ножны.

А офицеры от малого до большого и сам генерал суетятся, бегают. Построили полк.

Царь прошёл по рядам раз, другой, увидал солдата.

Приказывает:

— Четыре шага вперёд!

Солдат команду исполнил, вышел перед строем.

— Покажи, как учат вас строевой службе. Руби меня палашом!

— Никак нет, не могу поднять оружие против вашего величества.

— Коли — я приказываю!

Схватился солдат за рукоятку и закричал во всю мочь:

— Господи, обрати сие грозное оружие в древо!

Размахнулся и ударил Петра — только щепки полетели.

Все солдаты и офицеры ни живы ни мертвы стоят, а полковой поп молиться стал:

— Чудо, чудо бог даровал!

Подмигнул Пётр солдату:

— Ну, молодец! Пить пьёшь, а ума не теряешь. Люблю этаких. Три дня на гауптвахте посиди, а потом в штурманскую школу отправляйся.

Ч ИВЫ — ЧИВЫ — ЧИВЫЧОК

Жил-был старик со старухой. Жили они бедно и дошли до того — не стало у них ни дров, ни лучины.

Старуха посылает старика:

— Поезжай в лес, наруби дров.

Старик собрался. Приехал в лес, выбрал дерево — и тяп-тяп по нему топором.

Вдруг из дерева выскакивает птичка и спрашивает:

— Чивы-чивы-чивычок, чего надо, старичок?

— Да вот старухе надобно дров да лучины.

— Поди домой, у тебя много и дров и лучины.

Послушался старик, не стал рубить дерево. Приезжает домой — у него полон двор и дров и лучины. Рассказал он старухе про птичку, а старуха ему говорит:

— У нас изба-то худая — поди-ка, старик, опять в лес, не поправит ли птичка нашу избу.

Старик послушался. Приезжает в лес, нашёл это дерево, взял топор и давай рубить.

Опять выскакивает птичка:

— Чивы-чивы-чивычок, чего надо, старичок?

— Да вот, птичка, у меня больно изба-то плоха, не поправишь ли ты?

— Иди домой, у тебя изба новая, всего вдоволь.

Воротился старик домой и не узнаёт: стоит на его дворе изба новая, словно чаша полная, хлеба вдоволь, а коров, лошадей, овец и не пересчитаешь.

Пожили они некоторое время, приелось старухе богатое житьё, говорит она старику:

— У нас всего довольно, да мы крестьяне, нас никто не уважает. Поди-ка, старик, попроси птичку, не сделает ли она тебя чиновником, а меня — чиновницей.

Старик взял топор. Приезжает в лес, нашёл это дерево и начинает рубить. Выскакивает птичка:

— Чивы-чивы-чивычок, чего надо, старичок?

— Да вот, родимая птичка, нельзя ли меня сделать чиновником, а мою старуху — чиновницей?

— Иди домой, будешь ты чиновником, а старуха твоя — чиновницей.

Воротился он домой. Едет по деревне — все шапки снимают, все его боятся. Двор полон слуг, старуха его разодета, как барыня.

Пожили они небольшое время, захотелось старухе большего.

— Велико ли дело — чиновник! Царь захочет — и тебя и меня под арест посадит. Поди, старик, к птичке, попроси, не сделает ли тебя царём, а меня — царицей.

Делать нечего. Старик опять взял топор, поехал в лес и начинает рубить это дерево.

Выскакивает птичка:

— Чивы-чивы-чивычок, чего надо, старичок?

— Да вот чего, матушка родимая птичка: не сделаешь ли ты меня царём, а старуху мою — царицей?

— Ступай домой, будешь ты царём, старуха твоя — царицей.

Приезжает он домой, а за ним уж послы приехали: царь-де помер, тебя на его место выбрали.

Не много пришлось старику со старухой поцарствовать — показалось старухе мало быть царицей:

— Велико ли дело — цари! Бог захочет — смерть пошлёт, и зароют тебя в сырую землю. Ступай, старик, к птичке да проси, не сделает ли она нас богами.

Взял старик топор, пошёл к дереву и хочет рубить его под корень.

Выскакивает птичка:

— Чивы-чивы-чивычок, чего надо, старичок?

— Сделай милость, птичка, сотвори меня богом!

— Ладно, ступай домой. Будешь ты быком, старуха твоя свиной.

Старик тут же обратился быком. Приходит домой и видит — стала его старуха свиной.

Лиса и дрозд

Дрозд на дереве гнёздышко свил, яички снёс и вывел детёнышей. Узнала про это лисица. Прибежала и — тук-тук хвостом по дереву.

Выглянул дрозд из гнезда, а лиса ему:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд испугался и стал просить, стал лису молить:

— Лисонька-матушка, дерева не руби, детушек моих не губи! Я тебя пирогами да мёдом накормлю.

— Ну, накормишь пирогами да мёдом — не буду дерева рубить!

— Вот пойдём со мной на большую дорогу.

И отправились лиса и дрозд на большую дорогу: дрозд летит, лиса вслед бежит.

Увидел дрозд, что идут старуха со внучкой, несут корзину пирогов и кувшин мёду.

Лисица спряталась, а дрозд сел на дорогу и побежал, будто лететь не может: взлетит от земли, да и сядет, взлетит, да и сядет:

Внучка говорит бабушке:

— Давай поймаем эту птичку!

— Да где нам с тобой поймать!

— Как-нибудь поймаем. У ней, видать, крыло подбито. Уж больно красивая птичка!

Старуха со внучкой поставили корзинку да кувшин на землю и побежали за дроздом.

Отвёл их дрозд от пирогов да от мёду. А лисица не зевала: вволю пирогов да мёду наелась и в запас припрятала.

Взвился дрозд и улетел в своё гнездо.

А лиса тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд высунулся из гнезда и ну лисицу просить, ну лисицу молить:

— Лисонька-матушка, дерево не руби, детушек моих не губи! Я тебя пивом напою.

— Ну, пойдём скорей. Я жирного да сладкого наелась, мне пить хочется!

Полетел опять дрозд на дорогу, а лисица вслед бежит.

Дрозд видит — едет мужик, везёт бочку пива.

Дрозд к нему: то на лошадь сядет, то на бочку. До того рассердил мужика, тот захотел убить его. Сел дрозд на гвоздь¹, а мужик как ударил топором — и вышиб из бочки гвоздь. Сам побежал догонять дрозда.

А пиво из бочки на дорогу льётся. Лиса напилась, сколько хотела, пошла, песни запела.

Улетел дрозд в своё гнездо. Лисица опять тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

— Накормил.

— Напоил ты меня?

— Напоил.

— Теперь рассмеши меня, а то дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем, и детей твоих съем!

Повёл дрозд лису в деревню. Видит — старуха корову доит, а рядом старик лапти плетёт.

Дрозд сел старухе на плечо. Старик и говорит:

— Старуха, ну-ка, не шевелись, я убью дрозда! — И ударил старуху по плечу, а в дрозда не попал.

Старуха упала, подойник с молоком опрокинула. Вскочила старуха и давай старика ругать.

Долго лисица смеялась над глупым стариком.

Улетел дрозд в своё гнездо. Не успел детей накормить, лисица опять хвостом по дереву: тук-тук-тук!

---

¹ Гвоздём в данном случае называется деревянная затычка в бочке.

— Дрозд, а дрозд, накормил мы меня?

— Накормил.

— Напоил ты меня?

— Напоил.

— Рассмешил ты меня?

— Рассмешил.

— Теперь напугай меня.

Рассердился дрозд и говорит:

— Закрой глаза, беги за мной!

Полетел дрозд, летит — покрикивает, а лисица бежит за ним — глаз не открывает.

Привёл дрозд лису прямо на охотников:

— Ну, теперь, лиса, пугайся!

Лиса открыла глаза, увидела собак — и наутёк.

А собаки — за ней.

Едва добралась до своей норы.

Залезла в нору, отдышалась маленько и начала спрашивать:

— Глазки, глазки, что вы делали?

— Мы смотрели, чтобы собаки лисоньку не съели.

— Ушки, ушки, что вы делали?

— Мы слушали, чтобы собаки лисоньку не скушали.

— Ножки, ножки, что вы делали?

— Мы бежали, чтобы собаки лисоньку не поймали.

— А ты, хвостище, что делал?

— Я, хвостище, по пням, по кустам, по колодам цеплял да тебе бежать мешал.

Рассердилась лисица на хвост и высунула его из норы:

— Натё, собаки, ешьте мой хвост!

Собаки ухватили лису за хвост и вытащили её из норы.

Лиса и Волк

Жили себе дед да баба. Дед и говорит бабе:

— Ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани, поеду за рыбой.

Наловил дед рыбы полный воз. Едет домой и видит: лисичка свернулась калачиком, лежит на дороге.

Дед слез с воза, подошёл, а лисичка не ворóхнется, лежит как мертвая.

— Вот славная находка! Будет моей старухе воротник на шубу.

Взял дед лису и положил на воз, а сам пошёл впереди.

А лисица улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза всё по рыбке да по рыбке, всё по рыбке да по рыбке.

Повыбросила всю рыбу и сама потихоньку ушла.

Дед приехал домой и зовёт бабу:

— Ну, старуха, знатный воротник привёз тебе на шубу!

Подошла баба к возу: нет на возу ни воротника, ни рыбы. И начала она старика ругать:

— Ах ты, старый хрен, такой-сякой, ещё вздумал меня обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мёртвая. Погоревал, погоревал, да что ты будешь делать!

А лисица тем временем собрала на дороге всю рыбу в кучку, села и ест.

Приходит к ней волк:

— Здравствуй, кумушка, хлеб да соль...

— Я ем — свой, а ты подальше стой.

— Дай мне рыбки.

— Налови сам, да и ешь.

— Да я не умею.

— Эка! Ведь я же наловила. Ты, куманёк, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и малá и великá, ловись, рыбка, и малá и великá!» Так рыба тебя сама за хвост и будет хватать. Как подольше посидишь, так больше наудишь.

Пошёл волк на реку, опустил хвост в прорубь, сидит и приговаривает:

— Ловись, рыбка, и малá и великá,

Ловись, рыбка, и малá и великá!

А лисица ходит около волка и приговаривает:

— Ясни, ясни на небе звёзды,

Мёрзни, мёрзни волчий хвост!

Волк спрашивает лису:

— Что ты, кума, всё говоришь?

— А я тебе помогаю, рыбку на хвост нагоняю.

А сама опять:

— Ясни, ясни на небе звёзды,

Мёрзни, мёрзни волчий хвост!

Сидел волк целую ночь у проруби, хвост у него и приморозило. Под утро хотел подняться — не тут-то было. Он и думает: «Эка, сколько рыбы привалило — и не вытащить!»

В это время идёт баба с вёдрами за водой. Увидела волка и закричала:

— Волк, волк! Бейте его!

Волк — куда-сюда, не может вытащить хвост. Баба бросила вёдра и давай его бить коромыслом. Била-била, волк рвался-рвался, оторвал себе хвост и пустился наутёк.

«Хорошо же, — думает, — ужо¹ я отплачу тебе, кума!»

А лисичка забралась в избу, где жила эта баба,

---

¹ Ужо — скоро, вечером, в тот же день.

наелась из квашни теста, голову себе тестом вымазала, выбежала на дорогу, упала и лежит — стонет.

Волк ей навстречу:

— Так вот как ты учишь, кума, рыбу ловить! Смотри, меня всего исколотили...

Лиса ему говорит:

— Эх, куманёк! У тебя хвоста нет, зато голова цела, а мне голову разбили. Смотри: мозг выступил, насилу плетусь.

— И то правда, — говорит ей волк. — Где тебе, кума, идти, садись на меня, я тебя доведу.

Села лисица волку на спину. Он её и повёз.

Вот лисица едет на волке и потихоньку поёт:

— Битый небитого везёт,

Битый небитого везёт!

— Ты чего, кума, всё говоришь?

— Я, куманёк, твою боль заговариваю.

И сама опять:

— Битый небитого везёт,

Битый небитого везёт!

УКАЗКА ПРО ВАСИЛИСУ ПРЕМУДРУЮ

Жили-дружили мышь с воробьём. Ровно тридцать лет водили дружбу: кто что ни найдёт — всё пополам.

Да случилось как-то — нашёл воробей маковое зёрнышко.

«Что тут делить? — думает. — Ключнешь разок — и нет ничего».

Взял да и съел один всё зёрнышко.

Узнала про то мышь и не захотела больше дружить с воробьём.

— Давай, — кричит, — давай, вор-воробей, драться не на живот, а на смерти! Ты собирай всех птиц, а я соберу всех зверей.

Дня не прошло, а уж собралось на поле войско звериное. Собралось и войско птичье. Начался великий бой, и много пало с обеих сторон.

Куда силён звериный народ! Кого когтем цапнет — глядишь, и дух вон! Да птицы-то не больно поддаются, бьют всё сверху. Иной бы зверь и ударил и смял птицу — так она сейчас в лёт пойдёт. Смотри на неё, да и только!

В том бою ранили орла. Хотел он подняться ввысь, да силы не хватило. Только и смог взлететь на сосну высокую. Взлетел и уселся на верхушке.

Окончилась битва. Звери по своим берлогам и норам разбежались, Птицы по гнёздам разлетелись. А он

сидит на сосне, избитый, израненный, и думает, как бы назад воротить свою прежнюю силу.

А на ту пору охотник мимо шёл.

День-деньской ходил он по лесу, да ничего не выходил.

«Эх-ма, — думает, — видно, ворочаться мне нынче домой с пустыми руками».

Глядь, сидит на дереве орёл. Стал охотник под него подходить, ружьецо на него наводит.

«Какая ни есть, а всё добыча», — думает.

Только прицелился, говорит ему орёл человеческим голосом:

— Не бей меня, добрый человек! Убьёшь — мало будет прибыли. Лучше живьём меня возьми да прокорми три года, три месяца и три дня. А я, как наберусь си-лушки да отращу крылышки, добром тебе заплачу.

«Какого добра от орла ждать?» — думает охотник и прицелился в другой раз.

А раненый орёл опять просит:

— Не бей меня, добрый человек! В некое время я тебе пригожусь.

Не верит охотник и в третий раз ружьё подымает.

В третий раз просит его орёл:

— Не бей меня, добрый молодец, а возьми к себе, выходи да вылечи! Не сделал я тебе никакого худа, а за добро добром заплачу.

Сжалился охотник, взял орла и понёс домой.

— Ну, добрый человек, — говорит ему орёл доро-гою, — день-деньской ходил ты, да ничего не выходил. Бери теперь свой острый нож и ступай на поляну. Была у нас там битва великая со всяким зверьем и много мы того зверья побили. Будет и тебе поживишка немалая.

Пошёл охотник на поляну — а там зверья побитого видимо-невидимо. Куницам да лисицам счёту нет.

Отточил он нож на бруске, поснимал звериные шку-ры, свёз в город и продал недёшево. На те деньги на-купил хлеба в запас и насыпал с верхом три закрома — на три года хватит.

Проходит один год — опустел один загром. Велит орёл охотнику везти его на то самое место, где сосна высокая стоит.

Оседдал охотник коня и привёз орла на то место.

Взвился орёл за тучи и с разлёту ударил грудью в дерево — расколосось дерево надвое.

— Ну, охотник, — говорит орёл, — не собрался я ещё с прежней силою. Корми меня и другой год.

День да ночь — сутки прочь. Другой год миновал, другой загром опустел. Опять привёз охотник орла в лес, к высокой сосне.

Взвился орёл за тёмные тучи, разлетелся сверху и ударил грудью в дерево. Расколосось дерево на четыре части.

— Видно, придётся тебе, добрый молодец, ещё годок кормить меня. Не собрался я с прежней силою.

Вот прошло три года, три месяца и три дня. Во всех закромах пусто стало. Говорит орёл охотнику:

— Вези меня опять на то самое место, к высокой сосне.

Послушался охотник, привёз орла к высокой сосне.

Взвился орёл выше прежнего, сильным вихрем ударил сверху в самое большое дерево — и расшиб его в щепки с верхушки до корня. Так весь лес кругом и зашатался.

— Спасибо тебе, добрый молодец! Теперь воротилась ко мне сила прежняя. Бросай-ка ты лошадь да садись на крылья ко мне. Понесу я тебя на свою сторону и расплачусь с тобой за всё добро.

Сел охотник орлу на крылья. Полетел орёл на синее море и поднялся высоко-высоко.

— Посмотри, — говорит, — на синее море: велико ли?

— С колесо, — отвечает охотник.

Тряхнул орёл крыльями и сбросил охотника вниз. Дал ему спознать смертный страх и подхватил, не допустя до воды.

Подхватил и поднялся с ним ещё выше:

— Посмотри-ка теперь на синее море: велико ли?

— С куриное яйцо, — отвечает охотник.

Тряхнул орёл крыльями и опять сбросил охотника вниз. Над самой водой подхватил его и поднялся вверх ещё повыше прежнего:

— Ну, теперь посмотри на синее море: велико ли?

— С маковое зёрнышко.

В третий раз встряхнул орёл крыльями и сбросил охотника с поднебесья, да опять-таки не допустил до воды, подхватил на крылья и спрашивает:

— Что, добрый молодец, узнал, каков смертный страх?

— Узнал, — говорит охотник. — Я уж думал, конец мой пришёл.

— Вот и я так думал, как ты на меня ружьё навёл. Ну, теперь мы с тобой за зло рассчитались. Давай добром считаться.

Полетели они на берег. Летели-летели, близко ли, далёко ли — видят: середь поля медный столб стоит, как жар горит.

Пошёл орёл книзу.

— А ну, охотник, — говорит, — прочитай-ка, что на столбе написано.

Прочитал охотник: «За этим столбом медный город есть — на двадцать пять вёрст вдоль и вширь».

— Ступай в медный город, — говорит орёл. — Тут живёт сестра моя старшая. Кланяйся ей и проси у неё медный ларчик с медным ключиком. А другого ничего не бери — ни золота, ни серебра, ни камня самоцветного.

Пошёл охотник в медный город, к царице Медянице, орловой сестрице.

— Здравствуй, государыня! Братец твой поклон тебе посылает.

— Да откуда ж ты братца моего знаешь?

— Так и так... Кормил я его, больного, раненого, целых три года, три месяца и три дня.

— Спасибо, добрый человек. Вот же тебе золото, серебро, камень самоцветное. Бери, сколько душе угодно.

Ничего не берёт охотник, только просит у царицы медный ларчик с медным ключиком.

— Нет, голубчик! Не тот сапог да не на ту ногу надеваешь. Дорого стоит мой ларчик.

— А дорого, так мне ничего не надобно.

Поклонился охотник, вышел за городские ворота и рассказал орлу всё как есть.

Рассердился орёл, подхватил охотника и полетел дальше. Летит — шумит по поднебесью.

— А ну, посмотри, добрый молодец, что позади и что впереди деется?

Посмотрел охотник и говорит:

— Позади пожар горит, впереди цветы цветут.

— То медный город горит, а цветы цветут в серебряном.

Опустился орёл середь поля у серебряного столба. Велит охотнику надпись читать. Прочитал охотник: «За этим столбом стоит город серебряный — на пятьдесят вёрст вдоль и вширь».

— Здесь живёт моя средняя сестра, — говорит орёл. — Проси у неё серебряный ларчик с серебряным ключиком.

Пошёл охотник в город — прямо к царице, орловой сестрице. Рассказал ей, как жил у него три года, три месяца и три дня братец её, недужный, раненый, как холил он его, поил, кормил, в силу приводил. И попросил за всё это серебряный ларчик и серебряные ключики.

— Нет, — говорит царица, — не тот кусок хватаешь: не ровен час — подавишься. Бери сколько хочешь золота, серебра, камня самоцветного, а ларчик мой дорого стоит.

Ушёл охотник из серебряного города и рассказал орлу всё как есть.

Рассердился орёл, подхватил охотника на крылья широкие и полетел с ним прочь.

Опять летит по поднебесью:

— А ну-ка, добрый молодец, что позади и что впереди?

— Позади пожар горит, впереди цветы цветут.

— То горит серебряный город, а цветы цветут в золотом.

Опустился орёл середь поля, у золотого столба. Велит охотнику надпись читать.

Прочитал охотник: «За этим столбом золотой город стоит — на сто вёрст вширь и вдоль».

— Ступай туда, — говорит орёл. — В этом городе живёт моя меньшая сестра. Проси у неё золотой ларчик с золотыми ключиками.

Пошёл охотник прямо к царице, орловой сестрице. Рассказал, что знал, и попросил золотой ларчик с золотыми ключиками.

Послушала его царица, подумала, головой покачала.

— Дорог мой ларчик, — говорит, — а брат дороже.

Пошла и принесла охотнику золотой ларчик с золотыми ключиками.

Взял охотник дорогой подарок, поклонился царице и вышел за городские ворота.

Увидел орёл, что дружок его не с пустыми руками идёт, и говорит:

— Ну, братец, ступай теперь домой, да смотри — не отпирай ларчика, пока до своего двора не дойдешь.

Сказал и улетел.

Пошёл охотник домой. Долго ли, коротко ли — подошёл он к синему морю. Захотелось ему отдохнуть. Сел он на бережок, на жёлтый песок, а ларчик рядом поставил. Смотрел, смотрел — не вытерпел и отомкнул. Только отпер — откуда ни возьмись, раскинулся перед ним золотой дворец, весь изукрашенный. Появились слуги многие: «Что угодно? Чего надобно?»

Охотник наелся, напился и спать повалился.

Вот и утро настало. Надо охотнику дальше идти. Да не тут-то было! Как собрать дворец в ларчик по-прежнему? Думал он, думал, ничего не придумал. Сидит на берегу, горюет. Вдруг видит, подымается из воды человек: борода — по пояс, волосы — до пят. Стал на воде и говорит:

— О чём горюешь, добрый молодец?

— Ещё бы не горевать! — отвечает охотник. — Как мне собрать большой дворец в малый ларец?

— Пожалуй, помогу я твоему горю, соберу тебе дворец в малый ларец, только с уговором: отдай мне, чего дома не знаешь.

Призадумался охотник: «Чего бы это я дома не знал? Кажись, всё знаю».

Взял да и согласился.

— Собери, — говорит, — сделай милость. Отдам тебе, чего дома не знаю.

Только вымолвил слово, а уж золотого дворца нет, как не бывало. Стоит охотник на берегу один-одинёшенек, а возле него золотой ларчик с золотыми ключиками.

Поднял он свой ларчик и пустился в дорогу.

Долго ли, коротко ли — воротился в родной край. Заходит в избу, а жена несёт ему младенца, что без него родился.

«Так вот, — думает охотник, — чего я дома не знал!» И крепко приуныл, пригорюнился.

— Свет ты мой, — жена говорит, — скажи, о чём горьки слёзы ронишь?

— С радости, — отвечает.

Побоялся сказать ей правду, что рано ли, поздно ли, а придётся сына невесть кому отдавать.

После этого вышел во двор, открыл свой ларчик золотой — раскинулся перед ним большой дворец, хитро изукрашенный. Появились слуги многие. Расцвели сады, разлились пруды. В садах птички поют, в прудах рыбки плещутся.

И стал он с женою да сыном жить-поживать, добра наживать.

Прошло лет с десятков, и поболе того.

Растёт сынок у охотника, как тесто на опаре всходит, — не по дням, а по часам. И вырос большой: умён, пригож, молодец молодцом.

Вот как-то раз пошёл отец по саду погулять. Гулял он, гулял и вышел к реке.

В то самое время поднялся из воды прежний человек: борода — по пояс, волоса — до пят. Стал на воде и говорит:

— Что ж ты, обещать скор и забывать скор? Припомни-ка, ведь ты должен мне.

Воротился охотник домой темней тучи и говорит жене:

— Сколько ни держать нам при себе нашего Иванушку, а отдавать надобно. Дело неминуемое.

Взял он сына, вывел за околицу и оставил одного.

Огляделся Иванушка кругом, увидел тропинку и пошёл по ней — авось куда и приведёт. И привела его тропинка в дремучий лес. Пусто кругом, не видать души человеческой. Только стоит избушка одна-одинёшенька, на курьей ножке, об одном окошке, со крутым крыльцом.

Стоит, сама собой повёртывается.

— Избушка, избушка, — говорит Иван, — стань к лесу задом, ко мне передом.

Послушалась избушка, повернулась, как сказано, — к лесу задом, к нему передом.

Поднялся Иванушка на крутое крыльцо, отворил дверь скрипучую.

Видит — сидит в избушке баба-яга, костяная нога.

Сидит она в ступе, в заячьем тулупе. Поглядела на Иванушку и говорит:

— Здравствуй, добрый молодец. Откуда идёшь, куда путь держишь? Дело пытаешь али от дела лытаешь?

— Эх, бабушка! Напой, накорми да потом и спроси.

Она его напоила, накормила, и рассказал ей Иванушка про всё без утайки.

— Плохо твоё дело, добрый молодец, — говорит яга-баба. — Отдал тебя отец водяному царю. А царь водяной крепко гневается, что долго ты к нему не показывался. Ладно ещё, что по пути ты ко мне зашёл, а то бы тебе живому не бывать. Да уж так и быть — слушай, научу тебя. Ступай-ка ты дале по той же тропочке, что ко мне привела, через леса, через овраги, через крутые горы. Под конец дойдёшь до двоих ворот. Справа — ворота и слева — ворота. Не ходи в те, что на засов заперты, иди в те, что на замок замкнуты. Постучи три раза, и ворота сами отворятся. За воротами — сад-виноград, а в саду — пруд-изумруд, а в пруду двенадцать сестёр купаются. Обратились они серыми уточками, ныряют, плещутся, а платья их на берегу лежат. Одиннадцать вместе, а двенадцатое — особо, в сторонке. Возьми ты это платье и спрячься.

Вот выйдут из воды сестрицы, оденутся, да и прочь пойдут. Одиннадцать-то пойдут, а двенадцатая станет плакать, одёжу свою искать. Не найдёт и скажет: «Отзовись! Кто моё платье взял, тому дочкой покорной буду!» Ты всё молчи. Тогда она скажет: «Кто моё платье взял, тому женою верною буду!» Как услышишь такие слова, отзовись и отдай ей платье. А что дале будет, про то не скажу. Сам узнаешь и мне расскажешь...

Поклонился Иван бабе-яге, попрощался с ней и пошёл по тропинке. Долго ли, коротко ли, ведром ли, погодкой ли — дошёл до двоих ворот. Отворились перед ним ворота, и увидел он сад-виноград, а в саду — пруд-изумруд, а в пруду серые уточки купаются. По-сказанному, как по-писанному!

Подкрался Иванушка и унёс то платье, что в сторонке лежало. Унёс и схоронил за деревом.

Вышли уточки из воды, обратились девицами — одна другой краше. А младшая, двенадцатая, всех лучше, всех пригожее. Оделись одиннадцать сестёр и прочь

пошли. А младшая на берегу осталась, ищет платье своё, плачет — не может найти. Вот и говорит она:

— Скажись, отзовись, кто моё платье взял! Буду тебе дочкой покорною!

Не отзывается Иван.

— Буду тебе сестрицей ласковой!

Молчит Иван.

— Буду тебе женой верною!

Тут вышел Иван из-за дерева:

— Бери своё платье, красна девица.

Взяла она платье, а Иванушке дала золотое колечко обручальное.

— Ну, скажи мне теперь, добрый молодец, как тебя по имени звать и куда ты путь держишь.

— Родители Иваном звали, а путь держу к царю морскому — хозяину водяному.

— Вот ты кто! Что ж долго не приходил? Батюшка мой, хозяин водяной, крепко на тебя гневается. Ну, ступай по этой дороге — приведёт она тебя в подводное царство. Там и меня найдёшь. Я ведь подводного царя дочка — Василиса Премудрая.

Обернулась она опять уточкой и улетела от Ивана. А Иван пошёл в подводное царство.

Приходит — смотрит: и там свет такой, как у нас; и там поля и луга, и рощи зелёные, и солнышко греет, и месяц светит.

Призвали его к морскому царю. Закричал морской царь:

— Что так долго не бывал? Не за твою вину, а за отцовский грех вот тебе служба невеликая: есть у меня пустошь на тридцать вёрст вдоль и поперёк: одни рвы, буераки да каменьё острое. Чтобы к завтраму было там, как ладонь, гладко, и была рожь посеяна, и выросла за ночь так высока и густа, чтобы галка схорониться могла. Сделаешь — награжу, не сделаешь — голова с плеч!

Закручинился Иванушка, идёт от царя невесел, ниже плеч голову повесил.

Увидала его из терема высокого Василиса Премудрая и спрашивает:

— О чём, Иванушка, кручинишься?

Отвечает ей Иван:

— Как не кручиниться! Приказал мне твой батюшка

за одну ночь сровнять рвы, буераки и каменьё острое, а пустошь рожью засеять, и чтобы к утру та рожь выросла и могла в ней галка спрятаться.

— Это ещё не беда — беда впереди будет! Ложись-ка спать. Утро вечера мудренее.

Послушался Иван, лёг спать. А Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громким голосом:

— Гей вы, слуги мои верные! Ровняйте рвы глубокие, снесите каменьё острое, засевайте поле рожью отборною — чтобы к утру поспело!

Проснулся на заре Иванушка, глянул — всё готово. Нет ни рвов, ни буераков. Стоит поле, как ладонь, гладкое, и колышется на нём рожь, да такая густая и высокая, что галка схоронится.

Пошёл к морскому царю с докладом.

— Ну, спасибо тебе, — говорит морской царь. — Сумел ты мне службу сослужить. Вот тебе и другая работа: есть у меня триста скирдов, в каждом скирду — по триста копен, всё пшеница белоярая. Обмолоти ты мне к завтраму всю пшеницу чисто-начисто, до единого зёрнышка. А скирдов не ломай и снопов не разбивай. Коли не сделаешь — голова с плеч долой!

Пуще прежнего закручинился Иван. Идёт по двору невесел, ниже плеч голову повесил.

— О чём горюешь, Иванушка? — спрашивает его Василиса Премудрая.

Рассказал ей Иван по новую свою беду.

— Это ещё не беда — беда впереди будет. Ложись-ка спать. Утро вечера мудренее.

Лёг Иван. А Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

— Гей вы, муравьи ползучие! Сколько вас на белом свете ни есть — все ползите сюда и повыберите зерно из батюшкиных скирдов чисто-начисто, до единого зёрнышка.

Поутру зовёт к себе Ивана морской царь:

— Сослужил службу, сынок?

— Сослужил, царь-государь.

— Пойдём поглядим.

Пришли на гумно — все скирды стоят нетронуты. Пришли в житницы — все закрома зерном полнѣхоньки.

— Ну, спасибо, брат, — говорит морской царь. — Сослужил ты мне и другую службу. Вот же тебе и

третья — это будет последняя: сделай мне за ночь церковь из воску чистого, чтобы к утренней заре готова была. Сделаешь — выбирай любую из дочек моих, сам в эту церковь венчаться пойдешь. Не сделаешь — голову долой!

Опять идёт Иван по двору и слезами умывается.

— О чём горюешь, Иванушка? — спрашивает его Василиса Премудрая.

— Как не горевать! Приказал мне твой батюшка за одну ночь сделать церковь из воску чистого.

— Ну, это ещё не беда — беда впереди будет. Ложись-ка спать. Утро вечера мудренее.

Послушался Иван, лёг спать, а Василиса Премудрая вышла на крыльцо и закричала громким голосом:

— Гей вы, пчёлы работающие! Сколько вас на белом свете ни есть — все летите сюда! Слепите мне из воску чистого церковь высокую, чтобы к утренней заре готова была, чтобы к полудню мне в ту церковь венчаться идти.

Поутру встал морской царь, глянул в окошко — стоит церковь из воску чистого, так и светится на солнышке, будто лампадка.

— Ну, спасибо тебе, добрый молодец! Каких слуг у меня ни было, а никто не сумел лучше тебя угодить. Есть у меня двенадцать дочерей — выбирай себе в невесты любую. Угадаешь до трёх раз одну и ту же девицу, будет она тебе женой верною. Не угадаешь — голову с плеч!

«Ну, это дело нетрудное», — думает Иванушка. Идёт от царя, сам усмехается.

Увидала его Василиса Премудрая, расспросила про всё и говорит:

— Уж больно ты прост, Иванушка! Задача тебе дана нелёгкая. Обернёт нас батюшка кобылицами и заставит тебя невесту выбирать. Ты смотри — примечай: на моей уздечке одна блёсточка потускнеет. Потом выпустит он нас голубицами. Сёстры будут тихонько гречиху клевать, а я нет-нет да и взмахну крылышком. В третий раз выведет он нас девицами — одна в одну и красотой и статью, и волосом и голосом. Я нарочно платочком махну. По тому меня и узнавай.

Как сказано, вывел морской царь двенадцать кобылиц — одна в одну — и поставил в ряд.

— Любую выбирай!

Поглядел Иван зорко, видит — на одной уздечке блёсточка потускнела. Схватил за ту уздечку и говорит:

— Вот моя невеста!

— Дурную берёшь! Можно и получше выбрать.

— Ничего, мне и эта хороша.

— Выбирай в другой раз.

Выпустил царь двенадцать голубиц — перо в перо — и насыпал им гречихи.

Приметил Иван, что одна голубка всё крылышком потряхивает, и хватъ её за крыло:

— Вот моя невеста!

— Не тот кус хватаешь — скоро подавишься. Выбирай в третий раз!

Вывел царь двенадцать девиц — одна в одну и красотой и статью, и волосом и голосом.

Нипочём бы не узнать, да одна из них платочком махнула. Схватил её Иван за руку:

— Вот моя невеста!

— Ну, братец, — говорит морской царь, — я хитёр, а ты ещё похитрей меня, — и отдал за него Василису Премудрую замуж.

Ни много, ни мало прошло времени — стосковался Иван по своим родителям, захотелось ему на святую Русь.

— Что невесел, муж дорогой? — спрашивает Василиса Премудрая.

— Ах, жена моя любимая, видел я во сне отца с матерью, дом родной, сад большой, а по саду детки бегают. Может, то братья мои да сёстры милые, а я их наяву и не видывал.

Опустила голову Василиса Премудрая:

— Вот когда беда пришла! Если уйдём мы, будет за нами погоня великая. Сильно разгневается морской царь, лютой смерти нас предаст. Да делать нечего, надо ухитряться.

Смастерила она трёх куколок, посадила по углам в горнице, а дверь заперла крепко-накрепко. И побежали они с Иванушкой на святую Русь.

Вот утром ранёхонько приходят от морского царя посланные — молодых подымать, во дворец к царю звать.

Стучатся в двери:

— Проснитесь, пробудитесь! Вас батюшка зовёт.

— Ещё рано, мы не выспались, — отвечает одна куколка.

Час прошёл, другой прошёл — опять посланный в дверь стучит:

— Не пора-время спать, пора-время вставать!

— Погодите. Вот встанем да оденемся, — отвечает другая куколка.

В третий раз приходят посланные: царь-де морской гневается, зачем они так долго прохлаждаются.

— Сейчас будем, — говорит третья куколка.

Подождали, подождали посланные и давай опять стучаться.

Нет отзыва, нет отклика.

Выломали они дверь. Глядят — а в тереме пусто, только куклы по углам сидят.

Доложили про то морскому царю. Разгневался он и послал во все концы погоню великую.

А Василиса Премудрая с Иванушкой уже далеко-далеко. Скачут на борзых конях без остановки, без роздыху.

— Ну-ка, муж дорогой, припади к сырой земле да послушай: нет ли погони от морского царя?

Соскочил Иван с коня, припал ухом к земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ.

— Это за нами гонят! — говорит Василиса Премудрая и оборотила коней зелёным лугом, Ивана — старым пастухом, а сама сделалась кудрявою овечкою.

Наезжает погоня:

— Эй, старичок, не проскакал ли здесь добрый молодец с красной девицей?

— Нет, люди добрые, — отвечает Иван. — Сорок лет пасу я на этом месте — ни одна птица мимо не пролётывала, ни один зверь мимо не прорыскивал.

Воротилась погоня назад:

— Царь-государь, никого мы в пути не наехали. Видели только — пастух овечку пасёт.

Разгневался морской царь, закричал громовым голосом:

— Эх вы, недогадливые! Скачите вдогон. Привезите мне овечку, а пастух и сам придёт.

Поскакала погоня царская. А Иван с Василисой

Премудрой тоже не мешкают — торопят коней. Полдороги позади лежит, полдороги впереди стелется.

Говорит Василиса Премудрая:

— А ну, муж дорогой, припади к земле да послушай: нет ли погони от морского царя?

Слез Иван с коня, припал ухом к земле и говорит:

— Слышу я конский топ и людскую молвь.

— Это за нами гонят! — говорит Василиса Премудрая.

Сама сделалась часовенкой, коней оборотила деревьями, а Иванушку — стареньким попом.

Вот наезжает на них погоня:

— Эй, батюшка, не проходил ли мимо пастух с овечкою?

— Нет, люди добрые. Сорок лет я в этой часовне служу — ни одна птица мимо не пролётывала, ни один зверь не прорыскивал.

Повернула погоня назад:

— Царь-государь, не нашли мы пастуха с овечкою! Только в пути и видели, что часовню да попа старого.

Пуше прежнего разгневался морской царь:

— Эх вы, малоумные! Вам бы часовню разломать да сюда привезти, а поп и сам бы пришёл.

Снарядился он, вскочил на коня и поскакал вдогон за Иваном и Василисой Премудрою.

А те уж далёко уехали. Почитай, вся дорога позади лежит.

Вот опять говорит Василиса Премудрая:

— Муж дорогой, припади к земле: не слышать ли погони?

Слез Иван с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Дрожит земля от топота конского.

— Это сам царь морской скачет! — говорит Василиса Премудрая.

И сделалась речкою. Коней оборотила речной травой, а Ивана — окунем.

Прискакал морской царь. Поглядел да сразу и узнал, что за речка течёт, что за окунь в воде плещется.

Усмехнулся он и говорит:

— Коли так, будь же ты речкою ровно три года. Летом пересыхай, зимой замерзай, по весне разливайся!

Повернул коня и поскакал обратно в своё подводное царство.

Заплакала речка, зажурчала:

— Муж мой любимый, надо нам расстаться! Ступай ты домой, да смотри — никому целовать себя не позволяй, кроме отца и матери. А коли поцелует тебя кто — забудешь меня.

Пришёл Иван домой, а дому не рад.

Поцеловался с отцом, с матерью, а больше ни с кем — ни с братом, ни с сестрою, ни с кумом, ни с кумою. Живёт, ни на кого не глядит.

Вот и год прошёл, и два, и третий к концу подходит. Лёт как-то раз Иванушка спать, а дверь позабыл запереть. Зашла в горницу сестра его меньшая, увидела, что он спит, наклонилась и поцеловала его.

Проснулся Иван — ничего не помнит. Всё забыл. Забыл и Василису Премудрую, словно и в мыслях не бывала.

А через месяц просватали Ивана и начали свадьбу готовить.

Вот как стали пироги печь, пошла одна девка по воду, наклонилась к речке — воды зачерпнуть, да так и обмерла. Глядит на неё снизу — глаза в глаза — девица-красавица.

Побежала девка домой, рассказала встречному-поперечному про такое чудо. Пошли все на реку, да только никого не нашли. И речка пропала — не то в землю ушла, не то высохла.

А как вернулись домой, видят — стоит на пороге девица-красавица.

— Я, — говорит, — помогать вам пришла. Свадебные пироги печь буду.

Замесила она тесто круто, слепила двух голубков и посадила в печь:

— Угадай-ка, хозяйюшка, что с этими голубками будет?

— А что будет? Съедем их — и всё тут.

— Нет, не угадала.

Открыла девица печь, и вылетели оттуда голубь с голубкою. Сели на оконце и заворковали.

Говорит голубка голубку:

— Что ж, забыл, как была я овечкою, а ты пастиухом?

— Забыл, забыл.

— Что ж ты, забыл, как была я часовенкой, а ты попом?

— Забыл, забыл.

— Что ж ты, забыл, как была я речкою, а ты окуньком?

— Забыл, забыл.

— Коротка же у тебя память, голубок! Забыл ты меня, как Иванушка — Василису Премудрую.

Услыхал эти слова Иванушка и всё припомнил. Взял он Василису Премудрую за руки белые и говорит отцу с матерью:

— Вот жена моя верная. А другой мне не надобно.

— Ну, коль есть у тебя жена, так совет вам да любви!

Новую невесту одарили и домой отпустили.

А Иванушка с Василисой Премудрою стали жить-поживать, добра наживать. Много воды с тех пор утекло, а они всё живут, да хлеб жуют.

Петухан Курыханович

Попросились к богатому мужику два прохожих солдата:

— Пусти, хозяин, обогреться, отдохнуть часок-другой.

— Хозяина дома нет, — хозяйка отвечает. — Ну да ладно, заходите, только ноги вытирайте.

Зашли солдаты, поздоровались и спрашивают:

— А что, хозяйюшка, не найдётся ли чего у тебя горяченького похлебать с дороги?

А хозяйка была скупая, скарденная: зимой льду не выпросишь.

— Нет у меня ничего горячего, сегодня и печку не топила.

— Ну, на нет и суда нет, — солдаты говорят, а сами видят, что хозяйка обманывает: печь так жаром и пышет, а из печки варёным в нос шибает.

Отдыхают солдаты, достали по сухарику, грызут да водой запивают. И захотелось хозяйке над солдатами посмеяться.

— Вот что, служивые, люди вы бывалые, много видали, слышали. Загадаю я вам загадку, слушайте: в Печинске-Горшечинске, под Сквородинском, живёт ли теперь Петухан Курыханович?

В ту пору заиграл пастуший рожок. Хозяйка кинулась из избы — пастух коров гонит, надо своих во двор загнать.

И ушла.

Солдаты достали из печки горшок, вынули петуха, уложили в ранец, а в горшок лапоть сунули.

Загнала старуха скотину, воротилась и спрашивает:

— Ну как, слышали что про Петухана Курыхановича?

— Слышали, слышали, хозяйшка. Только Петухан Курыханович теперь перебрался в Суму-Заплеченскую, а в Печинске-Горшечинске, под Сквородинском, теперь живёт Заплетай Расплетаевич.

Засмеялась хозяйка:

— Слышали вы, служивые, звон, да не знаете, где он. Ну ладно, некогда мне с вами лясы точить, надо коров доить. А вы отдохнули, так пора и в путь-дорогу идти.

Распростились солдаты, ушли.

Вечером воротился домой муж, ужинать пора. Накрыла хозяйка стол, достала из печки горшок, ткнула вилкой в лапоть, не может вытащить:

— Варила, варила, а петух всё сырой!

Зачерпнула уполовником — а там лапоть.

ИВКА- БУРКА

Было у старика трое сыновей: двое умных, а третий Иванушка-дурачок; день и ночь дурачок на печи.

Посеял старик пшеницу, и выросла пшеница богатая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночам толочь и травить. Вот старик и говорит детям:

— Милые мои дети, стерегите пшеницу каждую ночь поочерёдно, поймайте мне вора.

Приходит первая ночь. Отправляется старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать: забрался он на сеновал и проспал до утра. Приходит утром домой и говорит: всю ночь-де не спал, иззяб, а вора не видал.

На вторую ночь пошёл средний сын и также всю ночь проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черёд дураку идти. Взял он аркан и пошёл. Пришёл на межу и сел на камень: сидит — не спит, вора дожидается.

В самую полночь прискакал на пшеницу разношерстный конь: одна шерстинка золотая, другая серебряная; бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. И стал тот конь пшеницу есть: не столько ест, сколько топчет.

Подкрался дурак на четвереньках к коню и разом накинул ему на шею аркан. Рванулся конь изо всех сил — не тут-то было. Дурак упёрся, аркан шею давит. И стал тут конь дурака молить:

— Отпусти ты меня, Иванушка, а я тебе великую сослужу службу!

— Хорошо, — отвечает Иванушка-дурачок. — Да как я тебя потом найду?

— Выйди за околицу, — говорит конь, — свистни три раза и крикни: «Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» — я тут и буду.

Отпустил коня Иванушка-дурачок и взял с него слово — пшеницы больше не есть и не топтать.

Пришёл Иванушка домой.

— Ну, что, дурак, видел? — спрашивают братья.

— Поймал я, — говорит Иванушка, — разношерстного коня. Пообещался он больше не ходить на пшеницу — вот я его и отпустил.

Посмеялись вволю братья над дураком, только уж с этой ночи никто пшеницы не трогал.

Скоро после этого стали по деревням и городам бирючи¹ от царя ходить, клич кликать: собирайтесь-де, бояре и дворяне, купцы и мещане, и простые крестьяне, все к царю на праздник, на три дня; берите с собой лучших коней, и кто на своём коне до царевнина терема доскочит и с царевниной руки перстень снимет, за того царь царевну замуж отдаст.

Стали собираться на праздник и Иванушкины братья; не то чтобы уж самим скакать, а хоть на других посмотреть. Просится и Иванушка с ними.

— Куда тебе, дурак! — говорят братья. — Людей, что ли, хочешь пугать? Сиди себе на печи да золу пересыпай.

Уехали братья, а Иванушка-дурачок взял у невесток лукошко и пошёл грибы брать. Вышел Иванушка в поле, лукошко бросил, свистнул три раза и крикнул: «Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» Конь бежит — земля дрожит, из ушей пламя, из ноздрей дым столбом валит. Прибежал и стал конь перед Иванушкой как вкопанный.

— Ну, — говорит, — влезай мне, Иванушка, в правое ухо, а в левое вылезай.

Влез Иванушка к коню в правое ухо, а в левое вылез — и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взглянуть, ни в сказке сказать.

Сел тогда Иванушка на коня и поскакал на праздник к царю. Прискакал на площадь перед дворцом,

¹ Бирючи (глашатаи) — люди, которые в старину на Руси объявляли на площадях и улицах распоряжения правительства.

видит — народу видимо-невидимо; а в высоком терему, у окна, царевна сидит: на руке перстень — цены нет, собою красавица из красавиц. Никто до неё скакать и не думает: никому нет охоты наверняка шею ломать.

Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бёдрам, осерчал конь, прыгнул — только на три венца до царевнина окна не допрыгнул.

Удивился народ, а Иванушка повернул коня и поскакал назад. Братья его не скоро посторонились, так он их шёлковой плёткой хлестнул. Кричит народ: «Держи, держи его!» — а Иванушкин уж и след простыл.

Выехал Иван из города, слез с коня, влез к нему в левое ухо, в правое вылез и стал опять прежним Иванушкой-дурачком. Отпустил Иванушка коня, набрал лукошко мухоморов и принёс домой.

— Вот вам, хозяйюшки, грибков, — говорит.

Рассердились тут невестки на Ивана:

— Что ты, дурак, за грибы принёс? Разве тебе одному их есть?

Усмехнулся Иван и опять залёг на печь.

Пришли братья домой и рассказывают отцу, как они в городе были и что видели; а Иванушка лежит на печи да посмеивается.

На другой день старшие братья опять на праздник поехали, а Иванушка взял лукошко и пошёл за грибами. Вышел в поле, свистнул, гаркнул: «Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» Прибежал конь и стал перед Иванушкой как вкопанный. Перерядился опять Иван и поскакал на площадь. Видит — на площади народу ещё больше прежнего: все на царевну любят, а прыгать никто и не думает: кому охота шею ломать! Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бёдрам; осерчал конь, прыгнул — и только на два венца до царевнина окна не достал. Поворотил Иванушка, хлестнул братьев, чтоб посторонились, и ускакал.

Приходят братья домой, а Иванушка уже на печи лежит, слушает, что братья рассказывают, и посмеивается.

На третий день опять братья поехали на праздник, прискакал и Иванушка. Стегнул он своего коня плёткой. Осерчал конь пуще прежнего: прыгнул — и достал до окна. Иванушка поцеловал царевну в сахарные уста,

схватил с её пальца перстень, повернул коня и ускакал, не позабывши братьев плёткой огреть. Тут уж и царь и царица стали кричать: «Держи, держи его!» — а Иванушкин и след простыл.

Пришёл Иванушка домой — одна рука тряпкой обмотана.

— Что это у тебя такое? — спрашивают Ивана невестки.

— Да вот, — говорит, — искавши грибов, сучком накололся. — И полез Иван на печь.

Пришли братья, стали рассказывать, что и как было. И Иванушке на печи захотелось на перстенёк посмотреть: как приподнял он тряпку, избу всю так и осияло.

— Перестань, дурак, с огнём баловать! — крикнули на него братья. — Ещё избу сожжёшь. Пора тебя, дурака, совсем из дому прогнать.

Дня через три идёт от царя клич, чтобы весь народ, сколько ни есть в его царстве, собирался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться, а кто царским виром побрезгает — тому голову с плеч.

Нечего тут делать; пошёл на пир сам старик со всей семьёй.

Пришли, за столы дубовые посадились; пьют и едят, речи гуторят.

В конце пира стала царица мёдом из своих рук гостей обносить. Обошла всех, подходит к Иванушке последнему; а на дураке-то платьишко худое, весь в саже, волосы дыбом, одна рука грязной тряпкой завязана... просто страсть.

— Зачем это у тебя, молодец, рука обвязана? — спрашивает царица. — Развяжи-ка.

Развязал Иванушка руку, а на пальце царевнин перстень — так всех и осиял.

Взяла тогда царица дурака за руку, подвела к отцу и говорит:

— Вот, батюшка, мой суженый.

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одели в царское платье, и стал он таким молодцом, что отец и братья глядят — и глазам своим не верят.

Сыграли свадьбу царевны с Иванушкой и сделали пир на весь мир. Я там был, мёд, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

Кузьма Скоробогатый

Жил-проживал Кузьма один-одинёшенек в тёмном лесу; ни скинуть, ни надеть у него ничего не было, а постлать — и не заводил.

Вот поставил он капкан. Утром пошёл посмотреть — попала лисица.

— Ну, лисицу теперь продам, деньги возьму, на то и жениться буду.

Лисица ему говорит.

— Кузьма, отпусти меня! Я тебе великое добро доспею, сделаю тебя Кузьмой Скоробогатым, только ты изжарь мне одну курочку с масличком — пожирнее.

Кузьма согласился. Изжарил курочку. Лиса наелась мяса, побежала в царские заповедные луга и стала на тех заповедных лугах кататься.

— У-у-у-у! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела; завтра звали, опять пойду.

Бежит волк и спрашивает:

— Чего, кума, катаешься, лаешь?

— Как мне не кататься, не лаять! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела; завтра звали, опять пойду.

Волк и просит:

— Лисонька, не сведёшь ли меня к царю на обед?

— Станет царь из-за одного тебя беспокоиться! Собирайтесь вы — сорок волков, тогда поведу вас в гости к царю.

Волк стал по лесу бегать, волков собирать. Собрал сорок волков, привёл их к лисице, и лиса повела их к царю.

Пришли к царю, лиса забежала вперёд и говорит:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока волками.

Царь обрадовался, приказал всех волков загнать в ограду, запереть накрепко и сам думает: «Богатый человек Кузьма».

А лисица побежала к Кузьме. Велела изжарить ещё одну курочку с масличком — пожирнее, пообедала сытно и пустилась на царские заповедные луга.

Катается, валяется по заповедным лугам. Бежит медведь мимо, увидел лису и говорит:

— Эк ведь, проклятая хвостомеля, как обтрескалась!

А лиса ему:

— У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела; завтра звали, опять пойду.

Медведь стал просить:

— Лиса, не сведёшь ли меня к царю на обед?

— Для одного тебя царь и беспокоиться не захочет. Собери сорок чёрных медведей — поведу вас в гости к царю.

Медведь побежал в дуброву, собрал сорок чёрных медведей, привёл их к лисе, и лисица повела их к царю. Сама забежала вперёд и говорит:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока медведями.

Царь весьма тому обрадовался, приказал загнать медведей и запереть накрепко. Сам думает: «Вот какой богатый человек Кузьма!»

А лисица опять прибежала к Кузьме и велела зажарить курочку с пегушком, с масличком — пожирнее. Скушала на здоровье — и давай кататься в царских заповедных лесах.

Бежит мимо соболь с кунницей:

— Эк, лукавая лиса, где так жирно накушалась?

— У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела; завтра звали, опять пойду.

Соболь и кунница стали упрашивать лису:

— Кумушка, своди нас к царю! Мы хоть посмотрим, как пируют.

Лиса им говорит:

— Соберите сорок сороков соболей да куниц — поведу вас к царю.

Согнали соболь и куница сорок сороков соболей и куниц. Лиса привела их к царю, сама забежала вперёд.

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока сороками соболей да куниц.

Царь не может надивиться богатству Кузьмы Скоробогатого. Велел и этих зверей загнать, запереть накрепко.

«Вот, — думает, — беда какой богач Кузьма!»

На другой день лисица опять прибегает к царю:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый приказал тебе кланяться и просит ведро с обручами — мерить серебряные деньги. Свои-то ведра у него золотом заняты.

Царь без отказа дал лисе ведро с обручами. Лиса прибежала к Кузьме и велела мерить ведром песок, чтобы высветлить у ведра бочок.

Как высветлило у ведра бочок, лиса заткнула за обруча сколько-то мелких денежек и понесла назад царю.

Принесла и стала сватать у него прекрасную царевну за Кузьму Скоробогатого.

Царь видит — денег много у Кузьмы: за обруча западали, он и не заметил. Царь не отказывает, велит Кузьме изготовиться и приезжать.

Поехал Кузьма к царю. А лисица вперёд забежала и подговорила работников подпилить мостик.

Кузьма только что въехал на мостик — он вместе с ним и рушился в воду.

Лиса стала кричать:

— Ахти! Пропал Кузьма Скоробогатый!

Царь услышал и тотчас послал людей перехватить Кузьму. Вот они перехватили его, а лиса кричит:

— Ахти! Надо Кузьме одежду дать — какую получше.

Царь дал Кузьме свою одежду праздничную.

Приехал Кузьма к царю. А у царя ни пива варить, ни вина курить — всё готово.

Обвенчался Кузьма с царевной и живёт у царя неделю, живёт дружую.

— Ну, — говорит царь, — поедем теперь, любезный зять, к тебе в гости.

Кузьме делать нечего, надо собираться. Запрягли лошадей и поехали. А лисица отправилась вперёд. Видит — пастухи стерегут стадо овец, она их спрашивает:

— Пастухи, пастухи! Чьё стадо пасёте?

— Змея Горыныча.

— Сказывайте, что это стадо Кузьмы Скоробогатого, а то едут царь Огонь и царица Молоньца: коли не скажете им, что это стадо Кузьмы Скоробогатого, они вас всех с овцами-то сожгут и спалят.

Пастухи видят, что дело неминуемое, и обещали сказывать про Кузьму Скоробогатого, как лиса научила.

А лиса пустилась вперёд. Видит — другие пастухи стерегут коров.

— Пастухи, пастухи! Чье стадо пасёте?

— Змея Горыныча.

— Сказывайте, что стадо это Кузьмы Скоробогатого, а то едут царь Огонь и царица Молоньца: они вас всех с коровами сожгут испалят, коли станете поминать Змея Горыныча.

Пастухи согласились. Лиса побежала вперёд. Добегает до конского табуна Змея Горыныча, велит пастухам сказывать, что этот табун Кузьмы Скоробогатого:

— А то едут царь Огонь да царица Молоньца: они всех вас с конями сожгут, спалят.

И эти пастухи согласились.

Лиса бежит вперёд. Прибегает к Змею Горынычу в белокаменные палаты:

— Здравствуй, Змей Горыныч!

— Что скажешь, лисонька?

— Ну, Змей Горыныч, теперь тебе надо скоро-наско-ро прятаться. Едет грозный царь Огонь да царица Молоньца, всё жгут и палят. Стада твои с пастухами прижгли и спалили. Я не стала мешкать — пустилась к тебе сказать, что сама чуть от дыма не задохнулась.

Змей Горыныч закручинился:

— Ах, лисонька, куда же я подеваюсь?

— Есть в твоём саду заповедный дуб, середина вся повыгнила, беги скоронись в дупле, пока царь Огонь с царицей Молоньцей мимо не проедут.

Змей Горыныч со страху спрятался в это дупло, как лиса научила.

Кузьма Скоробогатый едет себе да едет с царём да с женой-царевной. Доезжают они до овечьего стада. Царевна спрашивает:

— Пастушки, чьё стадо пасёте?

— Кузьмы Скоробогатого.

Царь тому и рад:

— Ну, любезный зять, много же у тебя овец!

Едут дальше, доезжают до коровьего стада.

— Пастушки, чьё стадо пасёте?

— Кузьмы Скоробогатого.

— Ну, любезный зять, много же у тебя коров!

Едут они дальше, пастухи лошадей пасут.

— Чей табун?

— Кузьмы Скоробогатого.

— Ну, любезный зятюшка, много же у тебя коней!

Вот приехали ко дворцу Змея Горыныча.

Лиса встречает гостей, низко кланяется, вводит их в палаты белокаменные, сажает их за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали они пировать, пить-есть и веселиться. Пируют день, пируют другой, пируют они неделю.

Лиса и говорит Кузьме:

— Ну, Кузьма, перестань гулять — надо дело исправлять. Ступай с царём в зелёный сад: в том саду стоит старый дуб, а в том дубе сидит Змей Горыныч, он от вас спрятался. Расстреляй дуб на мелкие части.

Кузьма пошёл с царём в зелёный сад. Увидели они старый заповедный дуб, и стали они в тот дуб стрелять. Тут Змею Горынычу и смерть пришла.

Кузьма Скоробогатый стал жить-поживать с женой-царевной в палатах белокаменных и лисоньку всякий день угощать курочкой.

КАША ИЗ ТОПОРА

Шёл солдат на побывку. Притомился в пути, есть хочется. Дошёл до деревни, постучал в крайнюю избу:

— Пустите отдохнуть дорожного человека!

Дверь отперла старуха:

— Заходи, служивый.

— А нет ли у тебя, хозяйшка, перекусить чего?

У старухи всего вдоволь, а солдата поскупилась накормить, прикинулась сиротой.

— Ох, добрый человек, и сама сегодня ещё ничего не ела: нечего.

— Ну, нет так нет, — солдат говорит.

Тут он приметил под лавкой топор без топорща.

— Коли нет ничего иного, можно и из топора кашу сварить.

Хозяйка руками всплеснула:

— Как так из топора кашу?

— А вот как. Дай-ка котёл.

Принесла старуха котёл. Солдат топор вымыл, опустил в котёл, налил воды и поставил на огонь.

Старуха на солдата глядит, глаз не сводит.

Достал солдат ложку. Помешивает варево. Попробовал.

— Ну как? — спрашивает старуха.

— Скоро будет готова, — солдат отвечает. — Жаль, что вот соли нет.

— Соль-то у меня есть, посоли.

Солдат посолил, снова попробовал:

— Коли сюда бы да горсточку крупы!

Старуха принесла из чулана мешочек крупы:

— На, заправь как надо.

Варил, варил солдат, помешивал, потом попробовал.

Глядит старуха, оторваться не может.

— Ох, и каша хороша! — хвалит солдат. — Как бы сюда да чуточку масла — было бы и вовсе объедение!

Нашлось у старухи и масло. Сдобрили кашу.

— Бери ложку, хозяйюшка.

Стали кашу есть да похваливать.

— Вот уж не думала, что из топора этакую добрую кашу можно сварить — дивится старуха.

А солдат ест да посмеивается.

СОЛДАТ И ЦАРИЦА

Жила-была в старину сердитая царица. Всё ей было не по нраву: и то не так и это не по ней.

Вот гуляет однажды царица по саду, а солдат возле будки на часах стоит. Увидел солдат царицу — никогда её не видел. «Ишь ты!» — подумал и ухмыльнулся. Не знал солдат — внове стоял при дворце, — что перед царицей ни ухмыльнуться нельзя, ни нахмуриться, ни умильным быть: всё одно царица нравом кипела.

Глянула царица на солдата:

— Ты чего ухмыляешься?

А простой солдат чего скажет царице? Ничего он сказать не мог и невзначай или так, спроста, что ль, опять ухмыльнулся. Тут царица сперва и слова сказать не могла от злости. Потом кликнула кого надо.

— Давать, — приказывает, — этому солдату по двадцать палок каждый день с утра.

С тех пор с утра, как встанет, получает солдат двадцать палок.

Били-били солдата, целый год били. Как проснётся — так двадцать палок, хоть в будни, хоть в праздники. Измучился, исхудал солдат, бить его не во что стало. А царица и забыла про него: пусть бьют до смерти; она теперь на других сердает.

Что тут делать солдату? Не миновать ему смерти от палок, забьют его. Солдат у того, у другого спрашивает — выбирает, кто поумней считается. А умные ему в один ответ:

— Терпи, — говорят. — Чего с царицей сделаешь, она сердитая.

Солдат выслушал умных, а сам подумал: «Эх, не вам терпеть, а мне!» — и пошел к дураку.

При войске у них дурак жил, его солдаты с кухни кормили и выношенную одежду давали ему донашивать.

Солдат сказал дураку, как ему живётся, а дурак и сам уж знал.

— Э, да не поможешь ты мне! — сказал солдат. — Ведь ты дурак.

А дурак:

— Как так не помогу! А не помогу, так и зла не сделаю, ты при своём останешься. Дай мне копейку.

Дал ему солдат копейку. Повёл дурак солдата на край города. Шли они, шли, далеко ушли; кругом их бедные домишки стоят, дворцов давно нету.

«Эх, — думает солдат, — далече мы зашли, пропала моя копейка!»

Пришли они в бедный домишко. Жил там сапожник с женой.

У сапожника была жена сходственная с царицей, как родная сестра: поставь её рядом с царицей, их и отличить нельзя, которая царица, которая сапожница.

За показ жены сапожник брал по копейке с человека — с купца там, с мастерового, с приказчика, а солдатам и калекам показывал даром. А деньги пропивал.

Заплатил дурак копейку сапожнику, а солдат, конечно, даром прошёл. Вошли они в комнату и видят — на кровати женщина лежит и спит. Солдат дрогнул и во фрунт стал: вылитая была перед ним царица.

Дурак говорит:

— Вот была бы она царицей, она бы тебя палкой не била.

Солдат согласен с дураком:

— Не била бы. Жалко, что она сапожница: из неё бы царица хорошая вышла.

Дурак засмеялся:

— А выйдет, — говорит, — из неё царица!

Солдат обнадёжился:

— А как выйдет-то?

Дурак захохотал в ответ, а солдат увёл его прочь, а то сапожница проснётся.

Идут они обратно.

Дурак спрашивает у солдата:

— Ты где ночью на карауле стоишь?

— Нынче во дворце, в покоях, буду стоять.

— Вот чего, — дурак ему: — я тебе ночью сапожницу приволоку.

— Это к чему же? А сапожник услышит!

— Нету, — дурак отвечает. — Сапожник ничего не услышит. Он днём наработается, потом вина напьётся и спит крепко: на нем кривые гвозди выпрямляй — он не чует.

— А к чему мне сапожница?

— Эх ты какой! А говорят — я дурак! Царица-то заснёт, ты мне и давай её сонную, а я тебе на руки — сонную сапожницу. Царицу я унесу к сапожнику, а ты сапожницу в царские покои отнеси, покуда она не проснулась.

Солдат подумал.

— А не страховито ли будет? При царице и моргнуть нельзя, а ты её к сапожнику унесёшь! А вдруг проснётся? Да она нам голову прочь!

А дурак думает иное:

— Царица целый день злится, с утра до вечера умается, а ночью спит-храпит, пузыри изо рта пускает. До своего времени она не проснётся. А если и дознается, так я в дураках хожу — какой с меня спрос!

Солдат согласился:

— Ишь ты, обдумал как! А сам дурак! Так ладно будет, пожалуй. Тащи уж по темноте сапожницу во дворец.

За ночь дурак так и сделал: сапожницу в царские покои принёс, а царицу отнёс к сапожнику — они и не проснулись.

А как наступило утро, проснулся первым сапожник и толкнул жену в бок. Ему и воды испить захотелось, и курить надо, и голова у него болит: пусть жена ему воды подаст, трубку найдет и в утешенье что-нибудь скажет.

Царица проснулась, открыла глаза, не поняла ничего и опять заснула.

Сапожник её опять в бок: ты что, дескать, иль не слышишь?

— Подымайся, баба! — сапожник говорит. — Пора.

Царица опять открыла глаза.

— Чего пора? — спрашивает, — Ты кто такой?

А сапожник ей:

— А ты кто такая?

Царица как закричит:

— Ах ты негодный! Ах ты окаянный! Да ведь я царица!

Сапожник как соскочит с кровати:

— Ах, так ты царица!

Схватил сапожник ремень, шпандырь, и давай царицу пороть-охаживать:

— Ах, так ты царица? Так тебе и надо, царице! Ишь ты, лодырь, ишь ты, негодница! Только спать здорова. Я тебе дам — царица! Я тебе дам — как мужу своему не угождать!

Царица как крикнет:

— Эй, кто там! Забить этого негодяя насмерть!

А никто не идёт — нету никого. Царица и думает: «Что такое? Видно, я померла и в ад попала — так это, верно, чёрт».

Подумала так и опять заснула: может, опять-де проснусь во дворце, в своём царстве, и ничего этого не будет; это мне снится.

Ан нет. Чёрт-сапожник ремень положил да опять кулаком её в бок:

— Баба, чего не встаешь?

— Отвяжись от меня, я царица!

— Как так — ты опять царица? — говорит сапожник — и сизнова царицу хлоп да хлоп! Недобрый был человек. — Подымайся, тебе говорю! Картошку вари, самовар ставь, комнату убирай, портки мне заштопай. Ишь ты, притворщица.

Оробела царица — опять её этот чёрт бить да хлопать будет. А больно ей ведь — ей больнее всех: до того она боли-то и не знала. Поднялась она, приделась в платье сапожницы и стала работать по дому.

Однако за что ни возьмётся, ничего у неё не выходит, из рук всё валится. Оно так и быть должно: царица-то сердчать да царствовать привыкла, только всего.

Сапожник видит — дело у неё не идёт, и опять хлоп да хлоп её.

Царица уж молчит и не говорит, что она царица, а сама работать старается.

Вот сготовила она кое-как обед, а его и есть нельзя: недоварено, пересолено, нечисто.

Съел сапожник одну ложку щей и говорит:

— Ты и правда, должно, царица: ничего делать не умеешь. Таких щей и псы не едят.

И снова за своё: хлоп её — за плохие, значит, щи.

Царица совсем оробела. Сидит она перед сапожником и трясётся от страха.

После обеда сапожник лёг в кровать:

— Возьми гребень, жена, расчеши мне голову, а я дремать буду.

Стала царица голову сапожнику чесать; что ж делать-то, послушаться нельзя.

А на другой день велел ей сапожник бельё стирать.

Стирает бельё царица; сроду она не стирала, все белые руки свои стёрла, исстирала, а бельё не выбелила.

Так и жила царица у сапожника, жила да мучилась; три дня жила.

А сапожница как проснулась в царицыной постели, огляделась кругом, видит — приятно везде. На кровати перины, одеванья шелковые и ковровые, зеркала светятся, горница вся прибрана, и цветами пахнет.

«Аль я в раю? — подумала сапожница. — Век того не видала, что вижу».

Тут вошли в спальню царицы четыре горничные девушки. Вошли они, а подойти к царице боятся.

— Вам чего надо? — спрашивает их сапожница.

Девушки ей отвечают:

— Здравствуй, матушка царица! А мы тебя одевать, обувать пришли.

Сапожница им:

— А я сама оденусь. Иль я калека!

А девушки стоят, не уходят.

Сапожница глядит на них:

— Чего ж вы стоите? Неужели дела у вас нету, бездельницы!

А девушки глядят на табуретку у кровати, а на табуретке палка лежит и плётка.

— А бить-то нас будешь когда, матушка? — спросили девушки. — Теперь или после?

— Да за что ж вас бить? Вам больно будет!

— А за то, матушка царица, что вам серчать надо!

Тут и сапожница рассерчала:

— Дуры вы, что ли? Идите прочь да делом займитесь! Девушки ушли. А сапожница поднялась, оделась, пошла на кухню и там чаю с бубликами напилась.

На кухне повара и кухарки обращаются к сапожнице со страхом и почтением, сахару подают сколько хочешь — каждый думает, что она царица. И сапожница стала думать, что она царица.

«Чего это, — думает, — царица я, что ль? Знать, и правда царица. Ну что ж, и царицей теперь побуду, сапожницей-то успею. Пусть мужик мой по мне поскучает! Царицей-то оно и легче быть».

Вот живёт она царицей и день и два. С утра до вечера позади царицы вельможа ходит, все её приказы и желанья пишет и исполняет. Царица уж привыкла к тому вельможе: кто ни обратится к ней с просьбой или с чем, она только укажет:

— Скажи заднему, он исполнит, — и далее идёт.

Идёт она и семечки грызёт, а семечки для неё вельможа в горсти держит и руку наотлёт вытянул.

В тот час солдат у деревянной будки стоял. Видит он — идёт, гуляет сапожница-царица. А солдата по-прежнему палками бьют, и нынче били с утра.

Глянул солдат на сапожницу-царицу, хотел суровое выражение на лице сделать — и ухмыльнулся.

Сапожница-царица и обращается к нему:

— Ты чего ухмыляешься? Мне, что ль, обрадовался? Солдат ей в ответ:

— Тебе, матушка!

— А чего радуешься? Я тебе добра не сделала. Чего ты хочешь?

— А того хочу, матушка, пусть меня палками не бьют. Второй год с утра спозаранку колотят, мясо с костей стёрли.

— За что ж тебя?

— За ухмылку, матушка.

— Ну, скажи заднему, пусть тебя не бьют.

— Нет уж, матушка, — солдат сапожнице-царице говорит, — заднему я говорить не буду: ты передняя, ты сама упомни и прикажи.

Царица остановилась около солдата:

— Ишь ты, какой въедливый! Ладно уж, я сама прикажу и бумагу напишу — не будут тебя бить.

— И других прочих, матушка, пусть не бьют!

— Аль многих тут бьют?

— Да почитай что почти всех, матушка, колотят. Истёрлись люди при дворце, а из терпенья не выходят.

— Дураки они, что ль? — спрашивает сапожница-царица.

— Не могу знать, матушка!

В тот же день сапожница-царица дала повеление, чтоб никого в её царстве не били и не смели даже касаться палкой человека. А солдатам велела дать по двадцать пять рублей каждому, а сверх того по три дня гулянья и по полведра пива.

На третий день своего царствования сапожница соскучилась по сапожнику.

«Пойду, — думает, — погляжу издали, как он там. Небось горюет по мне».

Собралась царица и пошла из дворца к домишку сапожника, а за ней вельможа идёт.

Вот идёт она, царица, видит свой бедный домишко.

А из ворот того домишка как раз её сапожник выходит, и не один, как следовало бы, с другою дородною женщиной, что не хуже самой сапожницы, и на лице у сапожника горя нету.

Тут как вскрикнет сапожница-царица:

— Ах ты бессовестный, ах ты такой-сякой! — да хватъ сапожника по затылку, с того и картуз соскочил.

А сапожник никак не опомнится: глядит он и на ту женщину и на эту, обе они на вид одинаковые, а которая жена — не разберёт.

Только когда сапожница-царица по спине его ещё разок хлопнула, сапожник понял, которая его жена.

Взяла сапожница мужа за руку и повела домой, а про царство свое забыла.

А царица скрипнула зубами на вельможу и тоже домой пошла, во дворец.

Как явилась она во дворец и узнала, что бить теперь, драть, пороть и лупить никого нельзя, отмена вышла, и будто она сама так повелела, — закипело злобой сердце царицы.

Позвала она кого ни на есть, чтоб ударить кого было.

Явилась кухарка, подняла царица на неё руку, да видит вдруг — рука-то её, царицына, исстирана, работой истёрта, и опустила она свою руку, никого не ударила.

Вспомнила она, как жила у сапожника: как бы опять ей в жёны к нему не попасть! — и оставила царица волю сапожницы как есть.

И солдат с дураком довольны остались. А только царице веры нету и не будет.

СОЛДАТСКАЯ ШИНЕЛЬ

Ехал барин зимой на тройке по просёлочной. Шуба на нём хорьковая, шапка соболя, а всё-таки дрожит, мёрзнет. Нагнал барин солдата. Идёт солдат браво, трубочку курит, песню поёт. Закричал ему барин:

— Эй, солдатик, чего песни поёшь, аль замёрзнуть не боишься?

А солдат ему в ответ:

— Чего мне бояться — у меня ведь шинель. Я как спать захочу — постелю шинель, и в головах шинель, и закроюсь шинелью, куда как хорошо засну.

Удивился барин:

— Обменяй мне, солдатик, твою шинель на мою шубу. Я тебе ещё и шапку в придачу дам. В своей шубе я больно мёрзну, а дома и на перине не сплю.

— Хорошо, — говорит солдат, — бери знай.

Ну, прискакал барин домой, бежит к жене:

— Вот какую я, милочка, вещь купил! Мне теперь ни перины, ни подушек, ни одеяла не стели: я лягу на шинель, и в головах шинель, и укроюсь шинелью, и спать крепко стану.

Стал укладываться — никак не идёт: и узко и коротко, и в головах пусто, и лежать жестко, и укрыться нечем.

Всю ночь промаялся — утром побежал к командиру на солдата жаловаться.

Приказал командир фельдфебелю привести к нему солдата.

— Ты что же это барина обманул?

— Никак нет, ваше благородие, — говорит солдат. — Мы вот как это делаем.

Взял шинель, расстелил, положил голову на рукав, полою накрылся.

— Куда как хорошо, ваше благородие, в походе на шинели спится!

— Молодец, — говорит командир. — Жалую тебя чарочкой. А вы, господин, не обессудьте: кто поработает да устанет — и на шинели спит, а кто ничего не делает — и на перине не уснёт.

Сестрица Алёнушка и братец Иванушка

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Алёнушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Алёнушка да Иванушка одни-одинёшеньки.

Пошла Алёнушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить:

— Сестрица Алёнушка, я пить хочу.

— Подожди, братец, дойдём до колодца.

Шли, шли, солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, хлебну я из копытца.

— Не пей, братец, телёночком станешь.

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, напьюсь я из копытца.

— Не пей, братец, жеребёночком станешь.

Вздыхнул Иванушка, опять пошли дальше.

Идут, идут, солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы.

Иванушка говорит:

— Сестрица Алёнушка, мочи нет: напьюсь я из копытца.

— Не пей, братец, козлёночком станешь.

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козлёночком.

Зовёт Алёнушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козлёночек.

Залилась Алёнушка слезами, села под стожок — плачет, а козлёночек возле неё скачет.

В ту пору ехал мимо купец.

— О чём, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Алёнушка про свою беду.

Купец ей говорит:

— Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в золото-серебро, и козлёночек будет жить с нами.

Алёнушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, а козлёночек с ними живёт, ест-пьёт с Алёнушкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись, приходит ведьма: стала под Алёнушкино окошко и так-то ласково начала звать её купаться на реку.

Привела ведьма Алёнушку на реку, кинулась на неё, привязала Алёнушке на шею камень и бросила её в воду.

А сама оборотилась Алёнушкой, нарядилась в её платье и пришла в её хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся — и тот не распознал.

Одному козлёночку было ведомо. Повесил он голову, не пьёт, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовёт:

Алёнушка, сестрица моя!

Выплынь, выплынь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа — зарежь да зарежь козлёночка.

Купцу жалко было козлёночка, привык он к нему. А ведьма так пристаёт, так упрашивает — делать нечего, купец согласился:

— Ну, зарежь его.

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные.

Козлёночек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

— Перед смертью пусти меня на речку сходить, водички испить, кишочки прополоскать.

— Ну, сходи.

Прибежал козлёночек на речку, стал на берегу и жалобнёшенько закричал:

Алёнушка, сестрица моя,
Выплынь, выплынь на бережок!
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати.

Алёнушка из реки ему отвечает:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелковá трава ноги спутала,
Жёлты пески на грудь легли.

А ведьма ищет козлёночка — не может найти и посылает слугу:

— Пойди найди козлёнка, приведи его ко мне.

Пошёл слуга на реку и видит — по берегу бегают козлёночек и жалобнёшенько зовёт:

Алёнушка, сестрица моя,
Выплынь, выплынь на бережок!
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати.

А из реки ему отвечают:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелковá трава ноги спутала,
Жёлты пески на грудь легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на речке. Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шелковёвые и вытащили Алёнушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули её в ключевую воду, одели её в нарядное платье. Алёнушка ожила и стала краше, чем была.

А козлёночек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Злую ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

КОТ И ЛИСА

Жил-был мужик. У этого мужика был кот, только такой баловник, что беда! Надоел он дóсмерти. Вот мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок и понёс в лес. Принёс и бросил его в лесу — пускай пропадает.

Кот ходил, ходил и набрёл на избушку. Залез на чердак и полёживается себе. А захочет есть — пойдёт в лес, птичек, мышей наловит, наестся досыта — и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот пошёл кот гулять, а навстречу ему лиса. Увидала кота и дивится: Сколько лет живу в лесу, такого зверя не видывала!»

Поклонилась лиса коту и спрашивает:

— Скажись, добрый молодец, кто ты таков? Как ты сюда зашёл и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть и отвечает:

— Зовут меня Котофей Иванович, я из сибирских лесов прислан к вам воеводой.

— Ах, Котофей Иванович! — говорит лиса. — Не знала я про тебя, не ведала. Ну, пойдём же ко мне в гости.

Кот пошёл к лисице. Она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкой, а сама всё спрашивает:

— Котофей Иванович, женат ты или холост?

— Холост.

— А я, лисица, — девица. Возьми меня замуж!

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, а кот остался дома.

Бегала, бегала лиса и поймала утку. Несёт домой, а навстречу ей волк:

— Стой, лиса! Отдай утку.

— Нет, не отдам.

— Ну, я сам отниму.

— А я скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст.

— А кто такой Котофей Иванович?

— Разве ты не слыхал? К нам из сибирских лесов прислан воеводой Котофей Иванович! Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы жена.

— Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. А как бы мне на него посмотреть?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не по нраву придётся, сейчас съест. Ты приготовь барана да принеси ему на поклон: барана-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы кот тебя не увидал, а то, брат, тебе туго придётся!

Волк побежал за бараном, а лиса — домой.

Идёт лиса, и повстречался ей медведь:

— Стой, лиса, кому утку несёшь? Отдай мне!

— Ступай-ка ты, медведь, подбру-поздорову, а то скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст.

— А кто такой Котофей Иванович?

— А который прислан к нам из сибирских лесов воеводою. Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы — Котофея Ивановича — жена.

— А нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не приглянется, сейчас съест. Ты ступай приготовь быка да принеси ему на поклон. Да смотри, быка-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы Котофей Иванович тебя не увидел, а то тебе туго придётся!

Медведь пошёл за быком, а лиса — домой.

Вот принёс волк барана, ободрал шкуру и стоит раздумывает. Смотрит — медведь лезет с быком.

— Здравствуй, Михайло Иванович!

— Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

— Нет, Михайло Иванович, сам их дожидаю.

— А ты сходи-ка к ним, позови, — говорит медведь волку.

— Нет, не пойду, Михайло Иванович. Я неповоротлив, ты лучше иди.

— Нет, не пойду, брат Левон. Я мохнат, косолап, куда мне!

Вдруг, откуда ни возьмись, бежит заяц. Волк и медведь как закричат на него:

— Поди сюда, косою!

Заяц так и присел, уши поджа..

— Ты, заяц, поворотлив и на ногу скор: сбегай к лисе, скажи ей, что медведь Михайло Иванович с братом Леоном Ивановичем давно уже готовы, ждут тебя-де с мужем, с Котофеем Ивановичем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю прыть. А медведь и волк стали думать, где бы им спрятаться.

Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

А волк ему говорит:

— А я куда денусь? Ведь я на дерево не взберусь. Схорони меня куда-нибудь.

Медведь спрятал волка в кустах, завалил сухими листьями, а сам влез на сосну, на самую макушку, и поглядывает, не идёт ли Котофей Иванович с лисой.

Заяц меж тем прибежал к лисициной норе:

— Медведь Михайло Иванович с волком Леоном Ивановичем прислали сказать, что они давно ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

— Ступай, косою, сейчас будем.

Вот и пошли кот с лисою. Медведь увидел их и говорит волку:

— Какой же воевода-то Котофей Иванович маленький!

Кот сейчас же кинулся на быка, шерсть взъерошил, начал рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится:

— Мау, мау!..

Медведь опять говорит волку:

— Невелик, да прожорлив! Нам четверым не съесть, а ему одному мало. Пожалуй, он и до нас доберётся!

Захотелось и волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать. И начал волк поти-

хоньку разгребать листья. Кот услышал, что листья шевелятся, подумал, что это мышь, да как кинется — и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк перепугался, вскочил и давай утекать.

А кот сам испугался и полез на дерево, где сидел медведь.

«Ну, — думает медведь, — увидел он меня!»

Слезать-то было некогда, вот медведь как шмякнется с дерева обземь, все печёнки отбил, вскочил — да наутёк.

А лисица вслед кричит:

— Бегите, бегите, как бы он вас не задрал!

С той поры все звери стали кота бояться. А кот с лисой запаслись на всю зиму мясом и стали жить да поживать. И теперь живут.

ЧУДЕСНЫЕ ЯГОДЫ

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь с царицей, и росла у них дочь-красавица. Отец с матерью в ней души не чаяли и берегли царевну пуще глаза.

Вот как-то раз пришло в тот город чужеземное судно. Сбежался народ на пристань. Хозяин судна, торговый гость, стал показывать разные редкости и диковинки, каких никто до того не видывал. Покатилась молва про заморского купца по городу. Достигла та молва и царевнина терема. Захотелось царевне взглянуть хоть одним глазком на заморские диковины. Стала проситься у родителей:

— Отпустите меня на пристань поглядеть на заморский корабль!

Царь с царицей её отпустили, мамкам да нянькам строго-настрого приказали:

— Берегите царевну. Если кто обиду нанесёт, вы в ответе.

Отправилась царевна с мамками, с няньками да с санными девушками. И только пришла на пристань, как встретил её сам чужеземный купец и говорит:

— Прекрасная царевна, зайди на мой корабль. Там у меня кот-баюн, он песни поёт и сказки рассказывает, есть гусли-самогуды и скатёрка-хлебосолка. Никому этих редкостей я не показывал, а тебе покажу.

И хочется пойти и боязно царевне, а купец неотступно зовёт:

— Что тебе по нраву придёт, всё велю во дворец отнести, в подарок тебе.

Она не удержалась и велела мамкам, нянькам да санным девушкам на пристани ждать, а сама с торговым гостем поднялась на палубу. Привёл её хозяин в богатую каюту:

— Посиди тут, прекрасная царевна, а я пойду, все диковинки принесу.

Вышел на палубу, запер дверь крепко-накрепко и дал команду:

— Отдаёть концы!

А на корабле только этого приказа и ждали. Быстро подняли все паруса, и побежало судно в море.

Мамки, няньки да санные девушки подняли крик, мечутся по пристани, плачут, а судно всё дальше и дальше уходит.

Дали знать во дворец. Прибежали на пристань царь с царицей, а судно уж скрылось из виду. Что тут делать?

Царица убивается, а царь приказал всех мамок, нянек и санных девушек под стражу взять. Потом велел клич кликнуть:

— Кто отыщет царевну, того на ней женю и при жизни полцарства отпишу, а после моей смерти всё царство ему достанется.

Много нашлось охотников. Искали царевну по всему свету и нигде не нашли.

А в том городе служил в солдатах Иван, крестьянский сын. Пришёл черёд в караул идти, царский заповедный сад стеречь. Стоит солдат под деревом, не спит.

В самую полночь прилетели два ворона. Сели на то дерево, где Иван-солдат стоял, и заговорили по-человечески. Иван-солдат слушает.

Один ворон молвил:

— У здешнего царя потерялась единственная дочь. Три года искали, не нашли.

Другой ему отвечает:

— Ну, это дело нехитрое! Коли ехать по морю на полдень, попадётся в царство Немал-человека. Он похитил царевну и держит в своём дворце, хочет выдать замуж за своего племянника, Змея Горыныча. Найти

царевну весьма легко, да живому оттуда не выбраться. Никому не одолеть Немал-человека.

— Нет, — сказал первый ворон, — найдётся сила и на Немал-человека. Есть на море-океане остров недалеко от его царства. На том острове два леших живут. Тридцать лет они дерутся между собой, никак не могут поделить меч-самосек. Кто бы нашёлся смел да удал и достал у леших тот меч-самосек, тогда легко с Немал-человеком справиться.

И улетели вороны.

Иван-солдат мешкать не стал. Как только пришла ему пора смениться, пошёл во дворец.

Царь спрашивает:

— Зачем, солдат, пришёл?

— Отпусти, ваше величество, меня. Пойду царевну искать.

Удивился царь:

— Много было и без тебя охотников. Князья, бояре, именитые купцы да генералы искали царевну по всему белому свету — не нашли. Где ты, простой солдат, искать станешь, как и сам нигде не бывал, ничего не видал!

— Ваше величество, «кто едет, тот и правит». Мне идти — мне и знать, как царевну разыскать да домой привезти.

— Ну, смотри, солдат, моё царское слово крепкое: найдёшь царевну — зятем моим будешь и полцарства отдам при жизни, а не найдёшь — мой меч, твоя голова с плеч.

— Двум смертям не бывать, а одной всё равно не миновать, — отвечает солдат. — Вели корабль снарядить и прикажи капитану меня во всём слушаться.

Велел царь корабль снарядить, и в скором времени отправляется Иван-солдат в путь-дорогу.

Плыли близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли — приплыли к пустынному острову. Иван-солдат говорит капитану:

— Стой тут и всю команду держи наготове. Я сойду на берег, а как только вернусь на судно, подымай все паруса и уходи отсюда прочь как можно скорее.

Переправился Иван-солдат на берег, поднялся на крутую гору и пошёл вдоль острова. Шёл, шёл — услы-

шал шум в лесу, и вдруг выскочили ему навстречу два леших. Вырывают что-то друг у друга, один кричит:

— Мой, всё равно не отдам!

А другой к себе тянет.

— Нет, мой!

Увидали Ивана-солдата, остановились, потом в один голос заговорили:

— Рассуди нас, добрый человек. Достался нам в наследство меч-самосек. Меч один, а нас двое, и вот уже тридцать годов мучимся, бьёмся, никак не можем поделить.

Иван-солдат только этого и ждал:

— То дело нехитрое. Я стрелу пушу, а вы бегите оба за ней. Кто скорее найдёт стрелу да воротится, тому и меч-самосек достанется.

На том и согласились.

Полетела стрела, кинулись вслед за ней оба леших, а Иван-солдат схватил меч-самосек, да и был таков.

Только успел подняться на палубу, как взвились паруса и побежало судно в открытое море. Плыли ещё день и ночь и на другое утро приплыли в царство Немал-человека.

Иван-солдат взял меч-самосек и отправился царевну искать. Недалеко от берега увидел большой дом. Поднялся на крыльцо, размахнул дверь на пяту и видит — сидит в горнице царевна, слезами обливается, плачет:

Взглянула она на Ивана-солдата:

— Кто ты таков, добрый молодец? Как сюда попал?

— Я Иван-солдат, пришёл тебя из неволи выручить да домой увезти.

— Ох, молодец! Сюда-то дорога широкая, да отсюда только никому повороту нет. Погубит и тебя Немал-человек, живого не выпустит.

— Кто кого из нас погубит, видно будет, сейчас загадывать нечего, — отвечал Иван-солдат.

Ободрилась царевна, перестала плакать.

— Вот кабы ты меня от Немал-человека вызволил да к батюшке с матушкой увёз, я бы с радостью за тебя замуж пошла.

— Ну, смотри, давши слово, держись...

Подала она свой перстень:

— Вот тебе мой перстень именной: я своему слову хозяйка.

Только успела это вымолвить, как поднялся страшный шум.

— Хоронись, молодец!—крикнула царевна. — Немал-человек идёт!

Стал Иван-солдат за печь. В ту же минуту дверь распахнулась, ступил через порог Немал-человек и заслонил собой белый свет: сразу всё кругом потемнело.

— Фу-фу-фу! Давно на Руси не бывал, русского духу не слышал, а теперь русский дух сам ко мне пожаловал. Выходи, запечный богатырь, силой мериться. Положу тебя на ладонь, а другой прихлопну, и останется от тебя грязь да вода.

— Рано, проклятое чудовище, хвалишься! Не по мне, а по тебе станут поминки справлять! — крикнул Иван-солдат.

Взмахнул своим мечом и отсек голову у Немал-человека. Тут набежали слуги Немал-человека, накинулись на Ивана-солдата, а он и тех мечом-самосеком всех порешил и повёл царевну на корабль.

Пала повѣтерь, и скоро они приплыли в своё государство.

Царь с царицею смеются и плачут от радости, царевну обнимают. Весь народ славит Ивана-солдата.

Завели во дворце пир, столованье. И все гости на пиру пили, ели, веселились и прославляли геройство Ивана-солдата. А как отпировали, царь ему говорит:

— Вот, Иван, крестьянский сын, был ты простым солдатом, а теперь за твою удаль быть тебе генералом.

— Спасибо, ваше величество, — отвечает Иван.

Прошло много ли, мало ли времени, спрашивает Иван у царя:

— А что, ваше величество, уговор ведь дороже всего. Не пора ли к свадьбе готовиться?

— Помню, помню, да, видишь ты, неотступно сватается ещё один жених, иноземный королевич. И неволить я царевну не стану. Как она скажет, так тому и быть.

Показал Иван царевнин перстень:

— Она сама мне обещалась и дала обручальный перстень.

Не хотелось царю с крестьянским сыном родниться и жалко отказать королевичу, да делать нечего: боится прогневать Ивана.

— Моё слово нерушимо: коли царевна с тобой обручилась, станем свадьбу играть.

Только успели Иван с царевной повенчаться да сели за свадебный стол, как гонец прискакал с нерадостной вестью: иноземный королевич подступил к царству с несметным войском и велел сказать: «Если не выдадут добром царевну замуж, силой возьму и всё царство головнёй покачу».

Опечалился царь, не пьёт, не ест, и бояре сидят сами не свои, а царевна думает: «На минуту ума не хватило, а тепер век кайся. Кабы не обручилась тогда с Ивановом, крестьянским сыном, вышла бы теперь замуж за королевича, и родителям бы заботы не было».

А Иван говорит:

— Не кручинься, царь-государь, и вы, бояре ближние. Я поеду, переведаюсь силой с королевичем.

Вышел из-за стола сел на коня и поехал навстречу вражьей силе.

Съехался с чужеземными полками и стал войско бить, как траву косить. Как раз мечом махнет — улица, назад отмахнёт — переулочек, и скоро всё войско истребил. Только сам королевич с главными генералами успел убежать.

Воротился Иван с победой. Весь народ его прославляет, и царь приободрился, приветливо зятя встречает. Только царевна не в радости:

«Видно, мне век вековать с этим мужиком-деревенщиной».

А виду не показывает, привечает мужа.

Немного времени прошло, опять доносят царю:

— Наступает иноземный королевич с новым войском, грозитя всё царство покорить и силой царевну отбить.

— Ну, зятюшка любезный, — говорит царь, — на тебя вся надёжа: ступай на войну.

Иван вскочил на коня, и только его и видели. Съехался с королевичем, выхватил меч-самосек и бьёт иноземное войско, как траву косит.

Видит королевич неминуемую беду. Повернул коня и вместе с ближними генералами пустился наутёк. Убежал в своё государство, пишет оттуда царевне: «Выспроси у Ивана, крестьянского сына, в чём его сила, помоги мне победу одержать, и я на тебе женюсь, а не то быть

тебе век мужиковой женой».

Царевна к Ивану ластится.

— Скажи, муженёк дорогой, какая в тебе сила? Как мог ты с Немал-человеком справиться и один два несметных войска победить?

Не чует Иван беды над собой:

— Есть у меня меч-самосек. С тем мечом я над всяким богатырём верх возьму и какое ни есть войско побью, а сам невредим останусь.

На другой день пошла царевна к оружейному мастеру:

— Подбери мне такой меч, как у моего мужа.

Подобрал оружейник такой меч, как у Ивана, — отличить нельзя.

Подменила царевна ночной порой меч-самосек простым мечом и тайно иноземному королевичу весть подала:

«Войско собирай, поди войной, ничего не бойся».

После того немного времени прошло, прискакал вершник:

— Опять королевич войной идёт на наше царство.

Выехал Иван навстречу, бьётся с неприятелем, а урону во вражьем войске совсем мало. Успел только трёх человек посечь-побить, как самого ранили и сбили с коня.

Скоро королевич всё царство полонил. Встретила его царевна с радостью:

— Навек меня от постылого мужика избавил!

Тут королевич женился на царевне, и пошёл во дворе пир горой да угощенье.

Иван, крестьянский сын, поотлежался и тут только вспомнил, как царевна выведывала, в чём его сила.

«Никто, как она, подменила меч и королевичу знать дала!»

Уполз он в глухой, тёмный лес, раны перевязал, и стало ему легче. Идёт куда глаза глядят, притаился. Голодно ему, и пить хочется. Увидел на кусту спелые ягоды, жёлтые.

«Что за ягоды? Дай-ка попробую».

Съел две ягодки, и вдруг заболела у него голова. Терпенья нет, так ломит. Дотронулся рукой и чувствует — выросли у него рога.

Опустил Иван голову, опечалился: «Нельзя теперь людям и в глаза показаться. Придётся мне в лесу жить».

Прошёл ещё недалеко, встретилось деревце: растут на дереве красные ягоды, крупные.

Сорвал Иван одну ягоду, съел — рог отпал. Съел другую — и другой рог отпал. И чувствует — сила в нём против прежнего утробилась.

«Ну, теперь я совсем справился. Надо мне меч-самосек добывать».

Сплёл две корзины небольших, набрал ягод, красных и жёлтых.

Выбрался из лесу на дорогу и пошёл в город. У заставы променял своё цветное платье и в неражем кафтанишке да в лаптях пришёл на царский двор:

— Ягоды спелые! Ягоды душистые!

Услыхала царевна и посылает сенную девушку:

— Поди узнай, что за ягоды. Коли сладкие, купи мне.

Выбежала служанка на крыльцо:

— Эй, торговый человек, сладки ли твои ягоды?

— Лучше моих ягод, красавица, нигде не найдешь.

Отведай-ка вот сама.

И подал ей красную целебную ягоду.

Девушке ягодка по вкусу пришлась. И отдал ей Иван жёлтые ягоды.

Воротилась девушка в горницу:

— Ох, и до чего сладки ягоды у этого торговца, век таких не едала!

Съела царевна ягодку, другую, стало ей не по себе:

— Что это как у меня голова заболела?

Глядит на неё сенная девушка, увидала рога у царевны и от страху слова не может сказать.

В ту минуту взглянула царевна в зеркало, да так и обмерла. Потом опомнилась, ногой топнула:

— Где этот торговец? Держите его!

Сбежались на крик все мамки, няньки и сенные девушки. Прибежали царь с царицей и с королевичем. Кинулись все на двор:

— Держи торговца! Ловите его!

А торговца и след давно простыл. Нигде найти не могли.

Стали царевну лечить. Сколько всякие знахари ни пользовали — ничего не помогает. Никак она не может от рогов избавиться.

В ту пору Иван, крестьянский сын, отрастил себе бороду, прикинулся дряхлым стариком и пришёл к царю:

— Есть у меня, ваше величество, лекарство, от всех болезней помогает. Я берусь вылечить царевну.

Обрадовался царь:

— Коли правду говоришь и дочь поправится, проси у меня чего хочешь! А зять-королевич особо тебя наградит.

— Спасибо, царское величество, не надо мне никакой награды. Веди меня к царевне да прикажи, чтобы не смел никто в те покои входить, покуда не позову сам. Если станет царевна кричать — больно ей будет, — всё равно входить никому нельзя, а не послушаетесь, век ей от рогов не избавиться.

Оставили Ивана с царевной в горницах, запер он крепко-накрепко дверь, выхватил берёзовый прут и давай тем прутом царевну потчевать.

Березовый прут — не ольховый: гнётся, не ломается, вокруг тела обвивается.

— Вот тебе наука — не обманывай вперёд никого!

Узнала царевна Ивана, крестьянского сына, стала на помощь звать.

А он знай бьёт да приговаривает:

— Не отдашь моего меча — смерти предам!

Покричала царевна, покричала, никого не дозвалась и взмолилась:

— Отдам тебе меч, только не губи меня, Иванушка дорогой!

Сбегала в другую горницу, вынесла меч-самосек.

Взял Иван меч, выбежал из горницы, увидел на крыльце королевича, махнул мечом, и повалился королевич замертво.

— Обману нету, подлинно мой меч.

Воротился в горницу, подал царевне две целебные ягоды:

— Ешь, не бойся.

Съела царевна красную ягоду — один рог отпал, съела другую — другой рог отпал, и стала она совсем здорова. Плачет и смеётся от радости:

— Спасибо тебе, Иванушка! Другой раз ты меня из беды вызволил, век твоего добра не забуду. Прогони королевича, а меня прости, и буду тебе верной женой.

Отвечает Иван, крестьянский сын:

— Королевича твоего уже в живых нету. А ты с отцом, с матерью уходи куда знаешь из нашего царства, чтобы духу вашего тут не было. Не было у меня жены, да и ты мне не жена.

И прогнал Иван, крестьянский сын, царя с царицей да с царевной, а сам заступил на царство и стал править. С тех пор живёт-поживает, беды никакой не знает.

Болтливая баба

Жили-были муж с женой. Жена была страсть какая болтливая: утаить ничего не могла. Что только ни услышит, в ту же минуту вся деревня знает.

Пошёл мужик в лес. Стал волчью яму рыть и нашёл клад. Сам думает: «Ну, как теперь быть? Как только жена про богатство дознается, сразу пойдёт по всей округе трезвон. Дойдёт слух до нашего помещика — и прощайся с деньгами: всё отберёт».

Думал, думал и придумал. Клад закопал, место приметил и пошёл домой. Дошёл до реки, осмотрел сеть, а в сети бьётся щука. Мужик щуку вынул и дальше пошёл. Осмотрел по дороге капкан, что был на зайца поставлен, а в капкан заяц попал.

Мужик зайца вынул, в капкан щуку сунул. А зайца отнёс да в сеть запутал.

Пришёл вечером домой:

— Ну, Татьяна, топи печь да напеки блинов побольше.

— А чего так? Зачем, на ночь глядя, печь топить? И кто вечером блины печёт? Вот ещё выдумал!

— Не спорь, а делай, что сказано. Знаешь, Таня, я клад нашёл, надо ночью деньги домой перенести.

Жена рада-радехонька. Живо печку затопила, стала блины печь.

— Ешь, муженёк, пока горячие.

Мужик блин съест, а два да три в котомку, блин съест, а два да три в котомку — незаметно от жены.

— Что сегодня так разъялся? Блинов на тебя не напасёшься.

— Так ведь путь не близкий, да и денег много, надо поплотнее поужинать.

Набил мужик котомку блинами и говорит:

— Ну, я сыт, ешь сама, да пойдём, надо торопиться. Жена наскоро поужинала, и пошли.

Идут они ночной порой, мужик опередил жену и стал из котомки блины доставать да на сучья вешать.

А жена заметила на деревьях блины:

— Ой, гляди-ка, гляди, на сучьях-то ведь блины!

— А что удивительного? Разве ты не видала, как блинная туча впереди нас прошла?

— Нет, не видала, я всё под ноги глядела, как бы за коренья не запнуться.

— Зайдём-ка, — мужик зовёт, — тут у меня ловушка на зайца поставлена, осмотрим.

Подожгли к капкану, вынул мужик щуку.

— Ой, муженёк, как это рыбина-то в заячью ловушку попала?

— А ты что, не знаешь — есть такие щуки: и по суше ходят.

— А я и не знала! Коли бы своими глазами не видала, никому бы не поверила.

Пришли к реке. Жена говорит:

— Где-то тут твоя сеть поставлена, давай поглядим.

Вытащили сеть, а в ней заяц.

Жена руками всплеснула:

— Ой, батюшки! Что это сегодня творится? В ячеях-то ведь заяц!

— Ну что квохчешь, будто век не видала водяных зайцев! — мужик говорит.

— То-то и есть, что не видала.

В ту пору дошли до места. Мужик выкопал котёл, нагрёб денег по ноше, и отправились домой.

Дорога пролегала возле барской усадьбы. Только они сравнялись с усадьбой, как слышат: «Ме-ге-гее... ме-ге-гее...» — овцы блеют.

— Ой, как страшно! Кто это? — баба шепчет.

А мужик ей:

— Беги скорее, это нашего барина черти давят. Как бы они нас не заметили!

Прибежали домой, насилиу отдышались.

Спрятал мужик клад, стали спать ложиться:

— Смотри, Татьяна, никому не сказывай про клад, а то худо будет.

— Ой, что ты, да разве я скажу!

На другой день встали поздно.

Затопила баба печь, подхватила вёдра, пошла по воду. У колодца соседки спрашивают:

— Что сегодня, Татьяна, так поздно у тебя печка затопилась?

— Ой, не говорите! Ночь-то я проходила, вот и проспала.

— Да куда ты ночью ходила?

— Муженёк-то ведь клад нашёл, и ночью мы за деньгами ходили.

В тот же день по всей деревне только и разговору: «Татьяна с мужем клад нашли, две котомки деньжищ принесли».

К вечеру дошла весть до барина. Приказал мужику прийти.

— Как ты смел от меня утаить, что клад нашёл?

— Знать не знаю и ведать не ведаю ни о каком кладе, — отвечает мужик.

— Не запирайся! — барин кричит. — Мне всё известно: ведь твоя же баба и рассказала про клад.

— Так ведь у ней не все дома! Она такого наскажет, чего и ввек не бывало.

— А вот увидим!

И велел барин позвать Татьяну.

— Нашёл твой муж клад?

— Нашёл, барин, нашёл.

— Ходили с ним ночью за деньгами?

— Ходили, ходили.

— Рассказывай всё, как дело было.

— Сперва шли всё лесом, а на сучьях-то кругом блины.

— Какие такие блины в лесу?

— Да из блинной-то тучи!.. Потом оглядели заячью ловушку, а там шука. Шуку вынули и дальше пошли. Дошли до реки, вытащили сеть, а в ячехах-то заяц. Ну, и зайца вынули. И недалеко от реки муж клад выкопал. Нагребли денег по котомке и обратно пошли. И как раз в ту пору мимо усадьбы проходили, как твою милость черти-то давили.

Тут барин не стерпел, затопал:

— Вон отсюда, глупая баба!

— Ну вот, — мужик говорит, — видите, что моей бабе верить ни в чём нельзя.

— Верю, верю тебе, ступай домой! — махнул рукой барин.

Пошёл мужик домой, стал жить-поживать и до сих пор живёт да над барином подсмеивается.

Зимовье зверей

У старика со старухой были бык, баран, гусь да петух и свинья.

Вот старик и говорит старухе:

— А что, старуха, с петухом-то нам нечего делать, зарежем его к празднику?

— Так что ж, зарежем.

Услышал это петух и ночью в лес убежал. На другой день старик искал, искал — не мог найти петуха.

Вечером опять говорит старухе:

— Не нашёл я петуха, придётся нам свинью заколоть.

— Ну, заколи свинью.

Услышала это свинья и ночью в лес убежала.

Старик искал, искал свинью — не нашёл.

— Придётся барана зарезать.

— Ну что ж, зарежь.

Баран услышал это и говорит гусю:

— Убежим в лес, а то зарежут и тебя и меня.

И убежали баран с гусем в лес.

Вышел мужик во двор, нет ни барана, ни гуся. Искал, искал — не нашёл.

— Что за чудо! Вся скотина извелась, один бык остался. Придётся, видно, быка зарезать.

— Ну что ж, зарежь.

Услышал это бык и убежал в лес.

Летом в лесу привольно. Живут беглецы — горя не знают. Но прошло лето, пришла зима.

Вот бык пошёл к барану:

— Как же, братец? Время приходит студёное — надо избу рубить.

Баран ему отвечает:

— У меня шуба тёплая, я и так прозимую.

Пошёл бык к свинье:

— Пойдём, свинья, избу рубить.

— А по мне, хоть какие морозы — я не боюсь: заруюсь в землю — и без избы прозимую.

Пошёл бык к гусю:

— Гусь, пойдём избу рубить.

— Нет, не пойду. Я одно крыло подстелю, другим накроюсь — меня никакой мороз не проймёт.

Пошёл бык к петуху:

— Давай избу рубить.

— Нет, не пойду. Я зиму и так под елью просижу.

Бык видит — дело плохо. Надо одному хлопотать.

— Ну, — говорит, — вы как хотите, а я стану избу ставить.

И срубил себе избушку один. Затопил печку и полёживает, греется.

А зима завернула холодная — стали пробирать морозы. Баран бегал, бегал, согреться не может — и пошёл к быку:

— Бэ-э! Бэ-э! Пусти меня в избу.

— Нет, баран. Я тебя звал избу рубить, так ты сказал, что у тебя шуба тёплая, ты и так прозимуешь.

— А коли не пустишь, я разбежусь, вышибу дверь, тебе же будет холоднее.

Бык думал, думал: «Дай пушу, а то застудит он меня».

— Ну, заходи.

Баран вошёл в избу и перед печкой на лавочку лёг.

Немного погодя прибежала свинья:

— Хрю-хрю! Пусти меня, бык, погреться.

— Нет, свинья, я тебя звал избу рубить, так ты сказала, что тебе хоть какие морозы — ты в землю зароешься.

— А не пустишь, я рылом все углы подрою, твою избу уроню.

Бык подумал-подумал: «Подроет она углы, уронит избу».

— Ну, заходи.

Забегала свинья в избу и забралась в подполье.

За свиньёй гусь летит:

— Га-гак! Га-гак! Бык, пусти меня погреться.

— Нет, гусь, не пушу. У тебя два крыла: одно подстелишь, а другим оденешься — и так прозимуешь.

— А не пустишь — так я весь мох из стен вытерблю.

Бык подумал-подумал и пустил гуся. Зашёл гусь в избу и сел на шесток.

Немного погода прибегает петух:

— Ку-ка-ре-ку! Бык, пусти меня в избу.

— Нет, не пушу. Зимуй в лесу, под елью.

— А не пустишь, так я взлечу на чердак, всю землю с потолка сгребу, в избу холода напушу.

Бык пустил и петуха. Взлетел петух в избу, сел на брус и сидит.

Вот они живут себе — впятером — поживают. Узнали про это волк и медведь.

— Пойдём, — говорят, — в избушку, всех поедим, сами станем там жить.

Собрались и пришли. Волк говорит медведю:

— Иди ты вперёд, ты здоровый.

— Нет, я ленив, ты шустрей меня, иди ты вперёд.

Волк и пошёл в избушку. Только вошёл — бык рогами его к стене и припёр. Баран разбежался — да бац, бац, начал осаживать волка по бокам. А свинья в подполье кричит:

— Хрю-хрю-хрю! Ножи точу, топоры точу, живого съест волка хочу.

Гусь его за бока щиплет, а петух бегаёт по брису да кричит:

— А вот как, да куда, да подайте его сюда! И ножикшко здесь и гужишко здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!

Медведь услышал крик — да бежать. А волк рвался, рвался — насилу вырвался, догнал медведя и рассказывает:

— Ну, что мне было! До смерти чуть не забили... Как вскочил мужичище, в чёрном армячище, да меня ухватом-то к стене и припёр. А поменьше мужичишка, в се-

реньком армячишке, меня обухом по бокам, да всё обухом по бокам. А ещё поменьше того, в беленьком кафтанишке, меня щипцами за бока хватал. А самый маленький мужичишка, в красеньком халатишке, бегаёт по брусу да кричит: «А вот как, да кудак, да подайте его сюда! И ножишко здесь и гужишко здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!» А из подполья ещё кто-то как закричит: «Ножи точу, топоры точу, живого съестъ хочу!»

Волк и медведь с той поры к избушке не подходили.

А бык, баран, гусь да петух и свинья живут там поживают и горя не знают.

Бой на Калиновом мосту

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь с царицей. Всем хорошо жили, только не было у них детей. Вот раз царице приснилось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруду ёрш с золотым хвостом. Снится царице, что если она этого ерша съест, то родится у неё сын. Наутро рассказала она царю про свой сон. Позвал царь рыбаков, велел разыскать тихий пруд, закинуть в него шёлковый невод. Закинули рыбаки невод, и попался им ёрш с золотым хвостом. Обрадовалась царица, кликнула свою любимую подружку, попову дочь, и говорит:

— Вели, подружка, приготовить ерша к обеду да смотри, чтобы никто к нему не притронулся.

Стала девушка-чернавка ерша варить, а попова дочь всё у печки вертится.

«Что за рыба такая диковинная?» — думает. Оторвала золотое пёрышко с левого боку да и съела.

Тут и девушка-чернавушка не вытерпела — оторвала пёрышко с правого боку да и в рот. А потом царица ерша съела, тарелочку почистила.

Вот, скоро ли, долго ли, родились у каждой по сыну-младцу. У царицы — Иван-царевич, у поповны — Иван-попович, у Чернавки — крестьянский сын.

Стали ребятки расти не по дням, а по часам. Как хорошее тесто на дрожжах поднимается, так они вверх тянутся. К десяти годам богатырями стали — никому с

ними не управиться. Силушка по жилушкам бежит могучая, кого за руку хватят — рука прочь, кого за ногу потянут — нога вон. Только друг с другом играть и могли.

Вот пошли они раз гулять по саду, увидели громадный камень. Упёрся в него руками Иван-царевич — чуть пошевелил. Взялся за него Иван-попович — на палец приподнял. Ухватился Иван, крестьянский сын, — загудел камень, покатился, деревья в саду поломал.

Под тем камнем дверь железная за семью замками, за десятью печатями, а за дверью подвал. В подвале — три коня богатырские, по стенам оружие ратное развешано. Вывели молодцы коней, стали себе оружие выбирать. Каждый себе по сердцу оружие взял. У Ивана-царевича на коне сбруя золочёная, в руках меч золотой. У Ивана-поповича у коня сбруя посеребрённая, в руках копьё серебряное. А у Ванюшки, крестьянского сына, сбруя у коня мочальная, в руках дубинка железная.

Только подъехали они ко дворцу, ко тесовому крыльцу, выбежала царица из горенки, слезами заливаётся:

— Сыны мои милые, напали на нашу страну страшные враги, змеи лютые, идут на нас через речку Смородину, через чистый Калинов мост! Всех людей окрест половили, землю разорили, ближние царства огнём пожгли.

— Не плачь, матушка, отстоим мы речку Смородину, не пустим змея через Калинов мост.

Словом-делом, собрались — поехали. Приезжают к реке Смородиной, видят — по всему берегу кости лежат человечьи, всё кругом огнём сожжено, вся земля русской кровью полита. У Калинового моста стоит избушка на курьих ножках.

— Ну, братцы, — говорит Иван-царевич, — тут нам жить и дозор нести, не пускать врагов через Калинов мост. Давайте по очереди караул держать.

Кинули жребий. Досталось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, вторую — Ивану-поповичу, а третью — Ванюшке.

Вот ночь настала. Надел Иван-царевич золотые доспехи, взял меч, в дозор отправился.

Ждёт-пождёт — тихо на речке Смородиной. Лёг Иван-царевич под ракитовый куст, да и заснул богатырским сном. А Ванюшке в избушке не спится, не

лежится, седло под головой вертится. Встал Ванюшка, взял дубинку железную, вышел к речке Смородиной. А у Калинового моста, под кустом, Иван-царевич спит-храпит, как лес шумит.

Вдруг в реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает Чудо-юдо шестиглавый змей. Как дыхнёт на все стороны — на три версты всё огнём пожёт! Ступил его конь ногой на Калинов мост. Рассердился тут Иван, крестьянский сын:

— Ты куда со своей лапой на чистый Калинов мост?

Выскочил Ванюшка, размахнулся дубинкой железной — три головы, как кочны, снёс; размахнулся ещё разок — ещё три сшиб. Головы отрезал, под мост положил, туловище в реку столкнул. Пошёл в избушку, да и спать лёг.

Утром-светом вернулся с дозора Иван-царевич. Братья его и спрашивают:

— А что, царевич, как ночь прошла?

— Тихо, братцы. Мимо меня и муха не пролетела.

Сидит Ванюшка, помалкивает.

На другую ночь пошёл в дозор Иван-попович. Ждёт-пождёт — тихо на речке Смородиной. Лёг Иван-попович под ракитов куст и заснул богатырским сном. Среди ночи взял Ванюшка железную палицу, пошёл на речку Смородину. А у Калинова моста, под кустом, Иван-попович спит-храпит, как лес шумит.

Вдруг в реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает Чудо-юдо девятиглавый змей. Под ним конь споткнулся, ворон на плече встрепенулся, сзади пёс ошетинился.

Рассердился девятиглавый змей:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, пёсья шерсть, щетинишься! Нет для меня на всём свете противника!

Отвечает ему ворон с правого плеча:

— Есть тебе на свете противник — русский богатырь Иван, крестьянский сын.

— Иван, крестьянский сын, не родился, а если родился, то на войну не сгодился, я его на ладонь посажу, другой прихлопну — только мокренько станет.

Рассердился Ванюшка:

— Не хвались, вражья сила! Не поймав ясного соко-

ла, рано перья щипать, не побившись с добрым молодец, рано хвастаться.

Вот сошлись они, ударились — только земля кругом застонала. Чудо-юдо девятиглавый змей Ивана по щиколотку в землю вбил. Разгорячился Ванюшка, разошёлся, размахнулся дубинкою — три головы змея, как кочны, снёс.

— Стой, Иван крестьянский сын, дай мне, Чуду-юду, роздыху!

— Какой тебе роздых, вражья сила! У тебя девять голов, а у меня одна.

Размахнулся Иванушка, ещё три головы снёс, а Чудо-юдо ударил, по колена в землю вогнал. Тут Ванюшка изловчился, захватил горсть земли и бросил землю в глаза.

Пока змей глаза протирал, брови прочищал, Иван, крестьянский сын, сшиб ему три головы. Головы отрезал, под мост положил, туловище в воду бросил.

Утром-светом вернулся с дозора Иван-попович, спрашивают его братья:

— А что, попович, как ночь прошла?

— Тихо, братцы. Только комар над ухом пищал.

Тут Ванюшка повёл их на Калинов мост, показал им змеиные головы:

— Эх вы, сони непробудные! Разве вам воевать — вам бы дома на печи лежать!

На третью ночь собирается в дозор Ванюшка. Обувает сапоги яловые, надевает рукавицы пеньковые, старшим братьям наказывает:

— Братцы милые, я на страшный бой иду, лежите — не спите, моего крика слушайте.

Вот стоит Ванюшка у Калинового моста, за ним земля русская. Пошло время за полночь, на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались. Выезжает Змей Горыныч, Чудо-юдо двенадцатиглавое. Каждая голова своим напевом поёт, из ноздрей пламя пышет, изо рта дым валит. Конь под ним о двенадцати крылах, шерсть у коня железная, хвост и грива огненные.

Въехал змей на Калинов мост. Тут конь под ним спотыкнулся, ворон на плече встрепенулся, сзади пёс ошетинился. Чудо-юдо коня плёткой по бедрам, ворона — по перьям, пса — по ушам.

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, пёсья шерсть, щетинишься? Али вы думаете, Иван, крестьянский сын, здесь? Да если он родился, да и на войну сгодился, я только дуну — от него прах останется.

Рассердился тут Ванюшка, выскочил:

— Не побившись с добрым молодцем, рано, Чудюдо, хвастаешь!

Размахнулся Ванюшка, сбил змею три головы, а змей его по щиколотку в землю вогнал, подхватил свои три головы, чиркнул по ним огненным пальцем — все головы приросли, будто век не падали. Дыхнул на Русь огнём — на три версты всё пожёг кругом.

Видит Ванюшка, плохо дело, схватил камешек, бросил в избушку — братьям знак подать. Все окошечки вылетели, ставенки в щепы разнеслись — спят братья, не слышат.

Собрал силы Ванюшка, размахнулся дубинкой — сбил змею шесть голов. Змей огненным пальцем чиркнул — приросли головы, будто век не падали, а сам Ванюшу по колена в землю вбил. Дыхнул огнём — на шесть вёрст русскую землю сжёг.

Снял Ванюшка пояс кованный, бросил в избушку — братьям знак подать. Разошлась крыша тесовая, покатились ступеньки дубовые — спят братья, храпят, как лес шумят.

Собрал Ванюшка последние силы, размахнулся дубинкой, сшиб змею девять голов. Вся сыра земля дрогнула, вода всколебалась, орлы с дубов попадали. Змей Горыныч подхватил свои головы, чиркнул огненным пальцем — приросли головы, будто век не падали, а Ванюшку по пояс в землю вогнал. Дыхнул — на двенадцать вёрст русскую землю сжёг.

Снял Ванюшка рукавицу пеньковую, бросил в избушку — братьям знак подать. Раскатилась избушка по брёвнышку. Проснулись братья, выскочили. Видят — вздымилась речка Смородина, с Калинового моста кровь бежит, на русской земле стоит, на чужой земле ворон каркает. Бросились братья на помощь Ванюшке. Пошёл тут богатырский бой. Иван-попович копьём колет. Земля стонет, вода кипит, ворон каркает пёс воет.

Изловчился Ванюшка и отсек змею огненный палец. Тут уж стали братья бить-колотить, отсекли змею все

двенадцать голов, туловище разрубили, в воду бросили.

Отстояли Калинов мост.

Утром рано-ранёшенько вышел Иван, крестьянский сын, в чистое поле, оземь грянулся, обернулся мушкой и полетел в змеиное царство. Долетел Иванушка до змеиного царства, опустился на окошечко. Сидят в белокаменной палате три змеиных жены, слёзы льют:

— Убил Иван наших любимых мужей, осиротил малых сыновей! Как Ивану, крестьянскому сыну, с братьями мстить будем?

Старшая жена золотые волосы чешет, громким голосом говорит:

— Напущу я голод, сама выйду на дорогу, сделаюсь яблоней. Кто моё яблочко сорвёт, враз умрёт.

Средняя жена серебряные волосы чешет, громким голосом говорит:

— А я напущу сушь, жажду великую, сама сделаюсь колодцем с ключевой водой. Кто моей воды попьёт, враз умрёт.

Третья жена медные волосы чешет, громким голосом говорит:

— А я сон напущу на глаза, обернусь сама тесовой кроватью, пуховой периной. Кто на кровать ляжет, огнем сгорит.

Всё Иванушка выслушал, всё на сердце сложил. Полетел в чистое поле, оземь грянулся, добрым молодцем стал. Пошёл в дозорную избу, разбудил братьев и говорит:

— Братья мои милые, убили мы змеев — остались змеёныши. Надо самоё гнездо разорить, пепел развеять, а то не будет на Калиновом мосту покоя.

Вот собрались, мост переехали, по змеиному царству поехали. Едут, едут, кругом ни двора, ни сада, ни поля — всё огнём сожжено. Стали братья на голод жаловаться, а Иванушка помалкивает. Вдруг видят — стоит яблоня, а на яблоне золотые яблоки. Обрадовались братья, коней погоняют, к яблоне поспевают, а Ванюшка поскакал вперёд и давай рубить яблоню, топтать, давить яблоки — только стон да треск пошёл. Братья сердятся, а Иванушка помалкивает.

Едут дальше. Долго ли, коротко ли — пала жара страшная, а кругом ни речки, ни ключа. Вдруг видят —

на жёлтом песке, на крутом угорье, стоит колодец, золотой с ключевой водой, на воде чарочка золотая плавает. Бросились братья к колодцу, а Иванушка впереди. Стал он рубить колодец, воду мутить, чарочку топтать — только стон да треск по степи пошёл. Братья злятся, а Иванушка помалкивает.

Ну, поехали дальше. Долго ли, коротко ли — напал на братьев сон, накатила дрема. Глаза сами закрываются, богатыри в сёдлах качаются, на гривы коням падают. Вдруг видят — стоит кровать тесовая, перина пуховая. Братья к кровати спешают, а Иванушка впереди всех, им лечь не даёт.

Рассердились братья, за мечи схватились, на Иванушку бросились, а Иванушка им и говорит:

— Эх, братцы любимые, я вас от смерти спас, а вы на меня злобитесь! Ну-ка, гляньте сюда, богатыри русские.

Схватил Иванушка сокола с правого плеча, на кровать бросил — сокол огнём сгорел. Братья так и ахнули. Вот они ту кровать в мелкие щепочки изрубили, золотым песком засыпали.

Доехали богатыри русские до змеиного дворца, дворец сожгли, пепел по ветру развеяли да со славой домой возвратились.

ПРО БЕДНОГО И БОГАТОГО БРАТА

Жили-были два брата. Старший был богатый, а младший бедный. У богатого — пиры да веселье, а у бедного — иной раз и хлеба куска нет: ребят полная изба, и все мал мала меньше.

Последнюю коровёнку проели, и дошло дело до того, что совсем нечем детей кормить. Говорит бедняк:

— Пойдём, жена, к брату, попросим хлеба, авось он муки мешок даст.

— Ну что ж, пойдём.

И пошли.

В тот день там праздник справляли. Съехалось гостей со всех волостей: и купцы, и попы, и богатые мужики в горнице сидят пируют.

Бедняк с женой поздоровались и просят:

— Дай, братец, хлеба, нечем ребят кормить! Осень придет — рассчитаемся.

Вынес богач чёрствую ковригу, подал и говорит:

— В страдную пору поработаете денёк-другой за это — и будем в расчёте.

А к столу не позвал. Обидно им показалось, да что станешь делать! Поднесла работница квасу, выпили, да с тем и пошли домой.

Слышно — гости в горнице песни поют.

Говорит бедняк:

— А что, жена, давай и мы запоём! Пусть люди думают, будто и нас угостили винцом.

— Не дело говоришь. Гости там поют оттого, что сладко поели да много выпили, а нам с тобой не до песен.

А бедняк стоит на своём — затянул песню, и послышалось ему два голоса: кто-то тоненьким голоском подпевает.

— Это ты, жена, пособилаешь мне петь?

— Что ты, я и не думала!

— Так кто же ещё поёт?

— Не знаю, — отвечает жена. — Ну-ка, запой, послушаем.

Опять запел. Поёт один, а слышно два голоса: кто-то тоненько подпевает. Остановились. Спрашивает бедняк:

— Кто тут подпевает?

— Да я, Нужда твоя.

Обернулся бедняк и увидел возле себя маленькую старушонку — стоит старушонка ростом с локоток, вся в лохмотьях.

Крикнул он ей:

— Ну, чего тут мёрзнешь на ветру? Садись ко мне в мешок, донесу тебя!

Забралась Нужда в мешок, а бедняк завязал мешок покрепче, и пошли.

Дома хозяйка отрезала ребятам по ломтю хлеба, покормила и стала их спать укладывать.

Муж спать не ложится, пилит да строгаёт доски.

— Что там, на ночь глядя, задумал ещё мастерить? — спрашивает жена.

— Молчи, жена. Надо Нужду похоронить. Надоела, проклятая, хуже горькой редьки!

Вот он гроб сколотил. Нужду в гроб уложил и крепко гвоздями крышку прибил.

Прихватил лопату и понёс Нужду на кладбище. Выкопал там глубокую могилу, опустил Нужду и только стал зарывать, как услышал — зазвенела лопата обо что-то. Нагнулся, поглядел — золота кусок нашёл. Поскорее могилу зарыл, землю утоптал.

— Лежи тут. Станем теперь без Нужды жить.

Домой воротился, повалился спать. На другой день отправился в город, продал там золото. На эти деньги купил лошадь, корову да хлеба три воза. Потом купил всем ребятам да жене по обновке, и денег ещё вволю

осталось. Избу починил, всё обновил и стал работать да жить-поживать, лихое время забывать. Во всём пошла удача: и урожай выдался хороший, и рыбы наловил вдоволь, и дети стали подрастать да по хозяйству помогать.

А богатый брат завидует:

«Был нищий, по чужим людям работал, а теперь хозяйство своё завёл. Не у меня ли чего украл?»

Не утерпел, пришёл к младшему брату и спрашивает:

— Был ты последний житель в деревне, а теперь стал справным хозяином. Как тебе удалось выбиться из бедности?

Рассказал ему младший брат всё без утайки, как они с женой от него шли домой, и как Нужда ему подпевала, и как он от неё избавился.

Выспросил богач, где Нужда похоронена, и заторопился — от зависти не терпится ему:

— Засиделся у тебя, а меня дела ждут.

— Пообедай с нами, братец, да чайку попей, — уговаривает младший брат.

— Нет, недосуг мне обедать да чай распивать. Надо домой поспешать.

И ушёл.

Дома взял заступ да топор и скорым-скоро побежал на кладбище. Разыскал место, где Нужда похоронена, разрыл могилу, наклонился и спрашивает:

— Жива ли ты, Нужда?

— Ох, жива... — чуть слышно Нужда отвечает. — Да худо мне, ой как худо!

— Ладно, сейчас тебя выпущу.

Спустился в яму, отбил топором крышку и говорит:

— Поди, Нужда, к меньшому брату, станешь у него привольно жить.

А Нужда изловчилась, да и вскочила ему на шею:

— Нет, тот брат меня живую схоронил, а ты добрый — выпустил на волю. Я от тебя никуда теперь не пойду.

И осталась Нужда у старшего брата. Стал он жить хуже и хуже, под конец и совсем разорился.

КАК БАРИН КОНЕЙ ВЫСИЖИВАЛ

Как-то раз у мужика удались тыквы на диво крупные — каждая по пуду. Повёз он тыквы на базар, а на встречу ему барин на тройке катит:

— Что это у тебя на возу, мужик?

— Разве не видишь? Яйца.

— Ну! — удивился барин. — Первый раз такие яйца встречаю. А что с ними делать?

— Как что? Неужели ты не знаешь, что это яйца не простые, а земляные? Кто умело гнездо совьёт да не поленится, может высидеть жеребят что ни есть самых лучших статей. Вырастут кони, каких в нашем краю и не видано.

А барин был завистливый. Как услышал мужиковы речи, захотелось ему во что бы то ни стало на таких конях ездить.

Торговаться не стал, купил тыквы и говорит:

— Я, мужичок, за деньгами не постою. Сделай милость, высиди мне хоть четверню коней!

— Нет, барин, у меня всё как-то болтуны выходят. Коли мог бы сам высидеть, повёз ли бы я эти яйца на базар! Гнездо свить помогу и как высиживать научу, а до дела сам доведу.

— Ладно, ладно, мужичок, дам тебе ещё сто рублей — только гнездо своей да научи, как высиживать.

На том и поладили. Воротился барин в усадьбу. А мужик с тыквами уж ждёт его там.

— Ну, веди, где станем гнездо вить, — торопит барин.

— Ты перво-наперво закажи, чтобы тебе харчи носили, потому как с гнезда три недели сходить никак нельзя. Как сойдешь, всё дело испортишь.

Барин приказанье дал, чтобы носили ему завтрак, обед и ужин. И пошли они.

Привёл его мужик в лес, выбрал дерево повыше и свил там большое гнездо.

Потом помог барину влезть, усадил его в гнездо и ушёл.

Сидит барин день, другой и третий. Трудно ему, руки, ноги ломит, спать хочется смертельно. На четвёртый день совсем из сил выбился и крепко уснул. Во сне стал ворочаться и со всем гнездом — бах, трах наземь!

Вскочил и видит: тыквы раскатились и одна разбитая валяется.

А под деревом заяц лежал. Как упало гнездо, кинулся заяц бежать.

Заметил барин: скачет кто-то, а не разглядел, что заяц.

— Ох, что я наделал! На четвертый день, а уж сколь резвый жеребёнок. Вот бы до срока высидеть, были бы кони... Надо будет того мужика разыскать — не поможет ли ещё разжиться земляными яйцами,

Медведь — липовая нога

Жили-были старик со старухой.

Посеяли они репку. Вот повадился медведь репку у них воровать. Старик пошёл посмотреть и видит — много репы нарвано да разбросано кругом.

Воротился он домой и рассказывает старухе. А она ему говорит:

— Да кто же репу нарвал? Если бы люди, так унесли бы. Наверно, это медведь проказит. Поди-ка, старик, покарауль вора.

Старик взял топор и пошёл караулить на ночь. Лёг под плетень и лежит. Вдруг приходит медведь и давай таскать репу — нагрёб целое беремья¹ и полёз через плетень.

Старик вскочил, бросил в него топором и отрубил ему лапу. Сам убежал, спрятался.

Заревел медведь и ушёл на трёх лапах в лес. Старик взял отрубленную лапу, принёс домой:

— На, старуха вари.

Старуха ободрала медвежью лапу, варить поставила, шерсть с кожи общипала, на кожу села и начала шерсть прядь.

Старуха прядёт, а медведь сделал себе липовую ногу и пошёл к старику со старухой.

---

¹ Беремья — охапка, сколько можно обхватить руками.

Вот медведь идёт, нога поскрипывает, он сам приговаривает:

Скырлы-скырлы-скырлы
На липовой ноге,
На берёзовой клюке.
Все по сёлам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит —
На моей коже сидит,
Мою шерсть прядёт,
Моё мясо варит.

Старуха услышала это и говорит:

— Поди-ка ты, старик, запри дверь: медведь идёт.

А медведь уже в сени вошёл, дверь открывает, сам приговаривает:

Скырлы-скырлы-скырлы
На липовой ноге,
На берёзовой клюке.
Все по сёлам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит —
На моей коже сидит,
Мою шерсть прядёт,
Моё мясо варит.

В те поры старик со старухой испугались. Старик спрятался на полати под корыто, а старуха — на печь, под чёрные рубахи.

Медведь влез в избу, стал искать старика со старухой, да и угодил в подполье.

Тут собрался народ, и убили медведя.

КАК МУЖИК С БАРИНОМ ОБЕДАЛ

В праздничный день сидят мужики на завалинке, ведут разговор о своих делах. Подошёл к ним деревенский лавочник и стал похвально: я то да я сё, вот и у барина в горнице бывал.

А самый бедный мужик сидит да посмеивается:

— Экое диво — у барина в горнице побывать! Да коли я захочу, так и пообедаю у барина.

— Чтобы ты да у барина пообедал — ни в жизнь не поверю! — кричит богатый.

— А вот пообедаю с барином!

— Нет, не пообедаешь!

Дальше — больше, бедный мужик и говорит:

— Об заклад бьюсь, что пообедаю! Ставь вороного да карего, а коли не пообедаю с барином — три года у тебя за спасибо отработаю.

Обрадовался лавочник:

— Ставлю, ставлю вороного и карего, да в придачу ещё и тёлку даю, при свидетелях говорю.

Ударили по рукам, при свидетелях дело было.

Пошёл бедняк к барину:

— Хочу твою милость по секрету спросить: что стоит такой слиток золота, как вот моя шапка?

Барин ничего не ответил. Хлопнул в ладоши.

— Живо подайте нам с мужиком выпить и закусить и обед подавайте. Садись, садись, не стесняйся, пей, ешь, чего душа пожелает.

Угостил барин бедняка, словно гостя дорогого, а сам дрожмя дрожит — охота золотой слиток к рукам при-
брать:

— Ступай, мужичок, тащи сюда поскорее твой сли-
ток, я тебе за него пуд муки дам да денег полтину.

— Да у меня и нет никакого золота. Я только спро-
сил, сколько стоит такой слиток золота, как моя шапка.

Рассердился барин:

— Пошёл вон, дурак!

— Ну, какой же я дурак, коли ты сам меня так
употчевал, как самого дорогого гостя! Да ещё и с лавоч-
ника за этот обед пару коней да тёлку получу.

И пошёл мужик веселёхонек.

Мужик и царь

Жил-был царь. Пуще всего на свете любил тот царь сказки слушать. И всё ему хотелось новых да новых сказок. Придворные сказочники все сказки, какие знали, пересказали, и никто больше царю угодить не может. Велел царь кликнуть клич:

— Женю на своей дочери и полцарства отдам тому, кто расскажет сказку, какой я ещё не слыхал.

Охотников сыскалось много. Откликнулись и князья, и бояре, и генералы, и купцы — да всё без толку. Только кто заведёт сказывать какую сказку, а царь уже кричит:

— Знаю, знаю, слыхал эту сказку!

На том и дело кончится. Того жениха и прогонят.

А в том царстве жил, горе мыкал, бедный мужик. Ни дома, ни хозяйства у него не было. Жил, где приведётся, пил, ел, что придётся. Иной день впроголодь, иной день и вовсе не евши сидел.

Как-то раз зашёл тот молодец в кабак погреться, выпить стаканчик винца. Целовальник¹ над ним глумится:

— Что не идёшь царю сказки сказывать? Небось царевна все глаза проглядела: ждёт тебя, жениха, не дождётся.

Слушает бедняк насмешки, а сам думает: «Дай

¹ Целовальник — продавец вина в царском кабаке.

пойду, попытаю счастья. Царским зятем мне не быть, а хоть день-другой готовыми харчами попользуюсь».

Пришёл во дворец. Царь спрашивает:

— Зачем, мужик, пришёл?

— Хочу тебе, царское величество, сказку рассказать. Только вели сперва накормить, напоить меня.

Царь его оглядел и усмехнулся. «Ну и жених! Рубаха латана-перелатана, лапти верёвкой подвязаны».

Но ничего не сказал.

Мужика накормили, напоили. Царь собрал ближних бояр да советников и приказывает молодцу:

— Сказывай твою сказку.

— Мой покойный родитель, — говорит мужик, — был самый богатый человек в нашем царстве. Выстроил он высокие хоромы. По крыше тех хором голуби ходили да с неба звёзды поклёвывали. Вот сколь высоки были те хоромы! А двор у нас был такой, что за весь летний день голубь не мог перелететь из конца в конец...

Царь молчит, и бояре молчат, не перебивают, а мужик говорит:

— Дальше сказывать стану завтра, после обеда, поевши пирогов да мягкого хлеба.

И пошёл на поварню ужинать.

На другой день вечером стал он сказку продолжать:

— И стоял у нас на дворе бык-семилеток. На одном рогу сидел у того быка пастух, а на другом — другой. Пастухи в трубы трубили, на рожках играли, песни пели, а друг друга в лицо не видали и голоса не слышали. Вот какой был у нас бык матёрый...

Молчит царь, не перебивает, и бояре молчат.

Сказочник поднялся и говорит:

— Завтра сказку доскажу, а сегодня на покой пора.

И пошёл на поварню ужинать.

Тут царь и заговорил:

— Что станем делать, бояре? Эдакой сказки я не слышал, а отдавать свою дочь за мужика-лапотника не хочу. Придумайте, как сказочника обмануть.

Князья да бояре стали думу думать. Думали, думали и придумали:

— Скажи, царь-государь, что ты эту сказку слышал, и мы все подтвердим: «Знаем, мол, слышали про это». А чтобы крепче было, вели в том грамоту заготовить, и под этой грамотой мы все свои подписи поставим.

На том и согласились.

Мужик про тот разговор проведал, а виду не показывает. На другой день, как ни в чём не бывало, пришёл после обеда, сел и стал сказку досказывать:

— Была у моего покойного родителя кобылица, в три дня вокруг земли обегала. Каждые сутки та кобылица трижды жеребилась...

Князя да бояре с царём переглядываются, себе в бороды усмеваются, а сказочник рассказывает:

— Золота и серебра у нас были амбары доверху насыпаны. И ты, царь-государь, в ту пору занял у нас сундук золота и по сей день ещё не отдал...

Тут царь закричал:

— Знаю, знаю!

И князя да бояре поддакивают:

— Знаем, слышали эту сказку, и грамоту в том подписать согласны.

С мест вскочили, подписи под грамотой поставили. Взял мужик грамоту и говорит:

— А коли слышали, да и грамоту в том написали, так плати долг, царское величество.

В ту пору царь догадался:

— Обманул меня мужик-лапотник!

Да делать было нечего: что написано пером, того не вырубишь топором. Пришлось насыпать сундук золота.

Мужик денежки взял и стал жить-поживать. И до сих пор живёт да посмеивается.

Волшебное кольцо

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был старик со старухой, и был у них сын Мартынка. Всю жизнь свою занимался старик охотой, бил зверя и птицу, тем и сам кормился и семью кормил. Пришло время — заболел старик и помер. Остался Мартынка с матерью, потужили-поплакали, да делать-то нечего: мёртвого назад не воротишь. Пожили с неделю и приели весь хлеб, что в запасе был.

Видит старуха, что больше есть нечего, надо за денежки приниматься, а старик-то оставил им двести рублей. Больно не хотелось ей начинать кубышку, однако сколько ни крепилась, а начинать нужно — не с голоду же умирать! Отсчитала сто рублей и говорит сыну:

— Ну, Мартынка, вот тебе сто целковиков, пойди попроси у соседей лошадь, поезжай в город да купи хлеба. Авось как-нибудь зиму промаячим, а весной станем работу искать.

Мартынка выпросил телегу с лошадьёю и поехал в город. Едет он мимо мясных лавок — шум, брань, толпа народу. Что такое? А то мясники изловили охотничью собаку, привязали к столбу и бьют её палками — собака рвётся, визжит, грызается. Мартынка подбежал к тем мясникам и спрашивает:

— Братцы, за что вы бедного пса так бьёте немилостиво?

— Да как его не бить, — отвечают мясники, — когда он целую тушу говядины испортил!

— Полно, братцы! Не бейте его, лучше продайте мне.

— Пожалуйста, купи, — говорит один мужик шутя. — Давай сто рублей.

Мартынка вытащил из-за пазухи сотню, отдал мясникам, а собаку отвязал и взял с собой. Пёс начал к нему ласкаться, хвостом так и вертит: понимает, значит, кто его от смерти спас.

Вот приезжает Мартынка домой, мать тотчас стала спрашивать:

— Что купил, сынок?

— Купил себе первое счастье.

— Что ты завираешься! Какое там счастье?

— А вот он, Журка! — и показывает ей собаку.

— А больше ничего не купил?

— Коли б деньги остались, может, и купил бы, только вся сотня за собаку пошла.

Старуха заругалась.

— Нам, — говорит, — самим есть нечего, нынче последние поскрёбушки по закромам собрала да лепёшку испекла, а завтра и того не будет!

На другой день вытащила старуха ещё сто рублей, отдаёт Мартынке и наказывает:

— На, сынок! Поезжай в город, купи хлеба, а задаром денег не бросай.

Приехал Мартынка в город, стал ходить по улицам да присматриваться, и попался ему на глаза злой мальчишка: поймал кота, зацепил верёвкой за шею и давай тащить на реку.

— Постой! — закричал Мартынка. — Куда Ваську тащишь?

— Хочу его утопить, проклятого!

— За какую провинность?

— Со стола пирог стянул.

— Не топи его, лучше продай мне.

— Пожалуй, купи. Давай сто рублей.

Мартынка не стал долго раздумывать, полез за пазуху, вытащил деньги и отдал мальчишку, а кота посадил в мешок и повёз домой.

— Что купил, сынок? — спрашивает его старуха.

— Кота Ваську.

— А больше ничего не купил?

— Коли б деньги остались, может, и купил бы ещё что-нибудь.

— Ах ты, дурак этакой! — закричала на него старуха. — Ступай же из дому вон, ищи себе хлеба по чужим людям!

Пошёл Мартынка в соседнее село искать работу. Идёт дорогою, а следом за ним Журка с Васькой бегут. Навстречу ему поп:

— Куда, свет, идёшь?

— Иду в батраки наниматься.

— Ступай ко мне. Только я работников без ряды беру: кто у меня прослужит три года, того я и так не обижу.

Мартынка согласился и без устали три лета и три зимы на попа работал. Пришёл срок к расплате, зовёт его хозяин:

— Ну, Мартынка, иди — получай за свою службу.

Привёл его в амбар, показывает два полных мешка и говорит:

— Какой хочешь, тот и бери.

Смотрит Мартынка — в одном мешке серебро, а в другом песок, и задумался:

«Эта шутка неспроста приготовлена! Пусть лучше мои труды пропадут, а уж я попытаю, возьму песок — что из того будет?»

Говорит он хозяину:

— Я, батюшка, выбираю себе мешок с мелким песочком.

— Ну, свет, твоя добрая воля. Бери, коли серебром брезгаешь.

Мартынка взвалил мешок на спину и пошёл искать другого места. Шёл, шёл и забрёл в тёмный, дремучий лес. Среди леса поляна, на поляне огонь горит, в огне девица сидит, да такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Говорит красная девица:

— Мартын, вдовья сын! Если хочешь добыть себе счастья, избавь меня: засыпь это пламя песком, за который ты три года служил.

«И впрямь, — подумал Мартынка, — чем таскать с собой этакую тяжесть, лучше человеку пособить. Невелико богатство — песок, этого добра везде много!»

Снял мешок, развязал и давай сыпать. Огонь тотчас погас, красная девица ударилась оземь, обернулась змеёю, вскочила доброму молодцу на грудь и обвилась кольцом вокруг его шеи. Мартынка испугался.

— Не бойся! — сказала ему змея. — Иди теперь за тридевять земель, в тридесятое государство, в подземельное царство, там мой батюшка царствует. Как придёшь к нему на двор, будет он давать тебе много золота, и серебра, и самоцветных камней — ты ничего не бери, а проси у него с мизинного перста колечко. То кольцо не простое; если перекинуть его с руки на руку — тотчас двенадцать молодых явятся, и что им ни будет приказано, всё за единую ночь сделают.

Отправился добрый молодец в путь-дорогу. Ближко ли, далёко ли, скоро ли, коротко ли — подходит к тридесятому царству и видит огромный камень. Тут соскочила с его шеи змея, ударилась о сырую землю и сделалась по-прежнему красною девицей.

— Ступай за мной! — говорит красная девица и повела его под тот камень.

Долго шли они подземным ходом, вдруг забрезжился свет — всё светлей да светлей, и вышли они на широкое поле, под ясное небо. На том поле великолепный дворец выстроен, а во дворце живёт отец красной девицы, царь той подземной стороны.

Входят путники в палаты белокаменные, встречает их царь ласково.

— Здравствуй, — говорит, — дочь моя милая! Где ты столько лет скрывалась?

— Свет ты мой, батюшка! Я бы совсем пропала, если бы не этот человек: он меня от злой, неминуемой смерти освободил и сюда, в родные места, привёл.

— Спасибо тебе, добрый молодец! — сказал царь. — За твою добродетель наградить тебя надо. Бери себе и золота, и серебра, и камней самоцветных, сколько твоей душе хочется.

Отвечает ему Мартын, вдовьян сын:

— Ваше царское величество! Не требуется мне ни золота, ни серебра, ни камней самоцветных. Коли хочешь жаловать, дай мне колечко со своей царской руки — с мизинного перста. Я человек холостой, стану на колечко почаще посматривать, стану про невесту раздумывать, тем свою скуку разгонять.

Царь тотчас снял кольцо, отдал Мартыну:

— На, владей на здоровье! Да смотри, никому про кольцо не рассказывай, не то сам себя в большую беду втянешь!

Мартын, вдовьин сын, поблагодарил царя, взял кольцо да малую толику денег на дорогу и пустился обратно тем же путём, каким прежде шёл. Близко ли, далёко ли, скоро ли, коротко ли — воротился на родину, разыскал свою мать-старуху, и стали они вместе жить-поживать без всякой нужды и печали.

Захотелось Мартынке жениться; пристал он к матери, посылает её свахою.

— Ступай, — говорит, — к самому королю, высватай за меня прекрасную королевну.

— Эй, сынок, — отвечает старуха, — рубил бы ты дерево по себе — лучше бы вышло! А то вишь что выдумал! Ну зачем я к королю пойду? Известное дело, он осердится и меня и тебя велит казни предать.

— Ничего, матушка! Небось, коли я посылаю, значит смело иди. Какой будет ответ от короля, про то мне скажи, а без ответу и домой не возвращайся.

Собралась старуха и поплелась в королевский дворец. Пришла на двор — и прямо на парадную лестницу, так и прёт без всякого доклада. Ухватили её часовые:

— Стой, старая ведьма! Куда тебя черти несут? Здесь даже генералы не смеют ходить без доклада...

— Ах вы такие-сякие! — закричала старуха. — Я пришла к королю с добрым делом, хочу высватать его дочь-красавицу за моего сына, а вы хватаете меня за полы!

Такой шум подняла! Король услышал крики, глянул в окно и велел допустить к себе старушку. Вот вошла она в комнату и поклонилась королю.

— Что скажешь, старушка? — спросил король.

— Да вот пришла к твоей милости. Не во гнев тебе сказать: есть у меня купец, у тебя товар. Купец-то — мой сын Мартынка, пребольшой умница, а товар — твоя дочка «прекрасная королевна. Не отдашь ли её замуж за моего Мартынку? То-то пара будет!

— Что ты, или с ума сошла? — закричал на неё король.

— Никак нет, ваше королевское величество! Извольте ответ дать.

Король тем же часом собрал к себе всех господ министров, и начали они судить да рядить, какой бы ответ дать этой старухе. И присудили так: пусть-де Мартынка за единые сутки построит богатейший дворец, и чтобы от того дворца до королевского был сделан хрустальный мост, а по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех же деревьях пели бы разные птицы. Да ещё выстроит пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять. Если старухин сын всё это сделает, тогда можно за него и королеву отдать: значит, больно мудрён. А если не сделает, то и старухе и ему срубить за провинность головы.

С таким-то ответом отпустили старуху. Идёт она домой — шатается, горячими слезами заливается. Увидала Мартынку.

— Ну, — говорит, — сказывала я тебе, сынок, не затевай лишнего, а ты всё своё! Вот теперь и пропали наши бедные головушки, быть нам завтра казнёнными.

— Полно, матушка! Авось живы останемся. Ложись поживать — утро, кажись, мудренее вечера.

Ровно в полночь встал Мартын с постели, вышел на широкий двор, перекинул кольцо с руки на руку — и тотчас явились перед ним двенадцать молодцов, все на одно лицо, волос в волос, голос в голос.

— Что тебе понадобилось, Мартын, вдовья сын?

— А вот что: сделайте мне к свету на этом месте богатейший дворец, и чтобы от моего дворца до королевского был хрустальный мост, по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех на деревьях пели бы разные птицы. Да ещё стройте пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять.

Отвечали двенадцать молодцов:

— К завтраму всё будет готово!

Бросились они по разным местам, согнали со всех сторон мастеров и плотников и принялись за работу: всё у них спорится, быстро дело делается.

Наутро проснулся Мартынка не в простой избе, а в знатных, роскошных покоях; вышел на высокое крыльцо, смотрит — всё как есть готово: и дворец, и собор, и мост хрустальный, и деревья с золотыми и серебряными яблоками. В ту пору и король выступил на балкон, гля-

нул в подозрную трубочку и диву дался: всё по приказу сделано! Призывает к себе прекрасную королеву и велит к венцу снаряжаться.

— Ну, — говорит, — не думал я, не гадал отдавать тебя замуж за мужичьего сына, да теперь миновать того нельзя.

Вот, пока королева умывалась, притиралась, в дорогие уборы рядилась, Мартын, вдовьян сын, вышел на широкий двор и перекинул своё колечко с руки на руку — вдруг двенадцать молодцов словно из земли выросли:

— Что угодно, что надобно?

— А вот, братцы, оденьте меня в боярский кафтан да приготовьте расписную коляску и шестёрку лошадей.

— Сейчас будет готово!

Не успел Мартынка три раза моргнуть, а уж притащили ему кафтан: надел он кафтан — как раз впору, словно по мерке сшит. Оглянулся — у подъезда коляска стоит, в коляску чудные кони запряжены — одна шерстинка серебряная, а другая золотая. Сел он в коляску и поехал в собор. Там уже давно к обедне звонят, и народу привалило видимо-невидимо. Вслед за женихом приехала и невеста со своими няньками и мамками и король со своими министрами. Отстояли обедню, а потом, как следует, взял Мартын, вдовьян сын, прекрасную королеву за руку и принял закон с нею. Король дал за дочкою богатое приданое, наградил зятя большим чином и задал пир на весь мир.

Живут молодые месяц, и два, и три. Мартынка что ни день, всё новые дворцы строит да сады разводит. Только королеве больно не по сердцу, что выдали её замуж не за царевича, не за королевича, а за простого мужика. Стала думать, как бы его со света сжить. Прикинулась такою лисою, что и на поди! Всячески за мужем ухаживает, всячески ему услуживает да всё про его мудрость выпрашивает. Мартынка крепится, ничего не рассказывает.

Вот как-то раз был он у короля в гостях, подпил порядком, вернулся домой и лёг отдохнуть. Тут королева и пристала к нему, давай его целовать-миловать, ласковыми словами прельщать — и таки умаслила: рассказал ей Мартынка про своё чудодейное колечко.

«Ладно, — думает королева, — теперь я с тобою разделаюсь!»

Только заснул он крепким сном, королева хватъ его за руку, сняла с мизинного пальца колечко, вышла на широкий двор и перекинула то кольцо с руки на руку. Тотчас явилось перед ней двенадцать молодцов:

— Что угодно, что надобно, прекрасная королева?

— Слушайте, ребята! Чтоб к утру не было здесь ни дворца, ни собора, ни моста хрустального, а стояла бы по-прежнему старая избушка. Пусть мой муж в бедности остаётся, а меня унесите за тридевять земель, в тридесятое царство, в мышье государство. От одного стыда не хочу здесь жить!

— Рады стараться, всё будет исполнено!

В ту же минуту подхватило её ветром и унесло в тридесятое царство, в мышье государство.

Утром проснулся король, вышел на балкон посмотреть в подзорную трубочку — нет ни дворца с хрустальным мостом, ни собора пятиглавого, а только стоит старая избушка.

«Что бы это значило? — думает король — Куда всё делось?»

И, не мешкая, посылает своего адъютанта разузнать на месте: что такое случилось? Адъютант поскакал верхом и, воротясь назад, докладывает государю:

— Ваше величество! Где был богатейший дворец, там стоит по-прежнему худая избушка, в той избушке ваш зять со своей матерью поживает, а прекрасной королевы и духу нет, и неведомо, где она нынче находится.

Король созвал большой совет и велел судить своего зятя, зачем-де обольстил его волшебством и сгубил прекрасную королеву. Осудили Мартынку посадить в высокий каменный столб и не давать ему ни есть, ни пить — пусть умрёт с голоду. Явились каменщики, ввели в столб и замуровали Мартынку наглухо, только малое окошечко для света оставили. Сидит он, бедный, в заключении, не ест, не пьёт день, и другой, и третий да слезами обливается.

Узнала про ту напасть собака Журка, прибежала в избушку, а кот Васька на печи лежит, мурлыкает. Напустился на него Журка:

— Ах ты, подлец Васька! Только знаешь на печи ле-

жать да потягиваться, а того не ведаешь, что хозяин наш в каменном столбу заточён. Видно, позабыл старое добро, как он сто рублей заплатил да тебя от смерти освободил. Кабы не он, давно бы тебя, проклятого, черви источили. Вставай скорей! Надо помогать ему всеми силами.

Кот Васька соскочил с печки и вместе с Журкою побежал разыскивать хозяина. Прибежал к столбу, вскарабкался наверх и влез в окошечко:

— Здравствуй, хозяин! Жив ли ты?

— Еле жив, — отвечает Мартынка. — Совсем отощал без еды, приходится умирать голодной смертью.

— Постой, не тужи! Мы тебя и накормим и напоим, — сказал Васька, выпрыгнул в окно и спустился на землю. — Ну, брат Журка, ведь хозяин с голоду умирает! Как бы нам ухитриться да помочь ему?

— Дурак ты, Васька! И этого не придумашь. Пойдём-ка по городу. Как только встретится булочник с лотком, я живо подкачусь ему под ноги и собью у него лоток с головы. Тут ты смотри не плошай! Хватай поскорей калачи да булки и тащи к хозяину.

Вот вышли они на большую улицу, а навстречу им мужик с лотком. Журка бросился ему под ноги, мужик пошатнулся, выронил лоток, рассыпал все хлеба да с испугу пустился бежать в сторону: боязно ему, что собака, пожалуй, бешеная — долго ли до беды! А кот Васька цап за булку и потащил к Мартынке; отдал одну — побежал за другой, отдал другую — побежал за третьей.

После того задумали кот Васька да собака Журка идти в тридешатое царство, в мышье государство — добывать чудодейное кольцо. Дорога дальняя, много времени утечёт...

Натаскали они Мартынке сухарей, калачей и всякой всячины на целый год и говорят:

— Смотри же, хозяин! Ешь-пей, да оглядывайся, чтобы хватило тебе запасов до нашего возвращения.

Попрощались и отправились в путь-дорогу.

Близко ли, далёко ли, скоро ли, коротко ли — придут они к синему морю. Говорит Журка коту Ваське:

— Я надеюсь переплыть на ту сторону. А ты как думаешь?

— Я плавать не мастак, сейчас потону.

— Ну, садись ко мне на спину!

Кот Васька сел собаке на спину, уцепился когтями за шерсть, чтобы не свалиться, и поплыли они по морю. Перебрались на другую сторону и пришли в тридцатое царство, в мышье государство.

В том государстве не видать ни души человеческой, зато столько мышей, что и сосчитать нельзя: куда ни сунься, так стаями и ходят! Говорит Журка коту Ваське:

— Ну-ка, брат, принимайся за охоту, начинай этих мышей душить-давить, а я стану загребать да в кучи складывать.

Васька к той охоте привычен; как пошёл расправляться с мышами по-своему, что ни цапнет — то и дух вон! Журка едва поспекает в кучу складывать и в неделю наклак большую скирду.

На всё царство налегла кручина великая. Видит мышинный царь, что в народе его недочёт оказывается, что много подданных злой смерти предано, вылез из норы и взмолился перед Журкою и Ваською:

— Бью челом вам, сильномогучие богатыри! Сжальтесь над моим народишком, не губите до конца. Лучше скажите, что вам надобно? Что могу, всё для вас сделаю.

Отвечает ему Журка:

— Стоит в твоём государстве дворец, в том дворце живёт прекрасная королевна. Унесла она у нашего хозяина чудодейное колечко. Если ты не добудешь нам того колечка, то и сам пропадёшь и царство твоё сгинет: всё как есть запустошим!

— Постойте, — говорит мышинный царь, — я соберу своих подданных и спрошу у них.

Тотчас собрал он мышей, и больших и малых, и стал выпрашивать: не возьмётся ли кто из них пробраться во дворец к королевне и достать чудодейное кольцо? Вызвался один мышонок.

— Я, — говорит, — в том дворце часто бываю: днём королевна носит кольцо на мизинном пальце, а на ночь, когда спать ложится, кладёт его в рот.

— Ну-ка, постарайся добыть его. Коли сослужишь эту службу, награжу тебя по-царски.

Мышонок дождался ночи, пробрался во дворец и залез потихоньку в спальню. Смотрит — королевна крепко спит. Он вполз на постель, всунул королевне в нос

свой хвостик и давай шекотать в ноздрях. Она чихнула — кольцо изо рта выскочило и упало на ковёр. Мышонок прыг с кровати, схватил кольцо в зубы и отнёс к своему царю. Царь мышиный отдал кольцо сильномугучим богатырям — коту Ваське да собаке Журке. Они на том царю благодарствовали и стали друг с дружкой совет держать: кто лучше кольцо сбережёт? Кот Васька говорит:

— Давай мне, уж я ни за что не потеряю!

— Ладно, — говорит Журка. — Смотри же, береги его пуще своего глаза.

Кот взял кольцо в рот, и пустились они в обратный путь.

Вот дошли до синего моря. Васька вскочил Журке на спину, уцепился лапами как можно крепче, а Журка в воду — и поплыл через море. Плывёт час, плывёт другой. Вдруг, откуда ни взялся, прилетел чёрный ворон, пристал к Ваське и давай долбить его в голову. Бедный кот не знает, что ему и делать, как от врага оборониться. Если пустить в дело лапы — чего доброго, опрокинешься в море и на дно пойдёшь; если показать ворону зубы — пожалуй, кольцо выронишь. Беда и только! Долго терпел он, да под конец немоготу стало — продолбил ему ворон буйную голову до крови. Озлобился Васька, стал зубами обороняться — и уронил кольцо в синее море. Чёрный ворон поднялся вверх и улетел в тёмные леса.

А Журка, как скоро выплыл на берег, тотчас же про кольцо спросил. Васька стоит голову понуривши.

— Прости, — говорит, — виноват, брат, перед тобою; ведь я кольцо в море уронил!

Напустился на него Журка:

— Ах ты олух! Счастливы ты, что я прежде того не узнал, я бы тебя, разию, в море утопил! Ну, с чем мы теперь к хозяину явимся? Сейчас полезай в воду: или кольцо добудь, или сам пропадай!

— Что в том прибыли, коли я пропаду? Лучше давай ухитряться: как прежде мышей ловили, так и теперь станем за раками охотиться, авось, на наше счастье, они нам помогут кольцо найти.

Журка согласился; стали они ходить по морскому берегу, стали раков душисть да в кучу складывать. Большой ворох наклали! На ту пору вылез из моря огром-

ный рак, захотел погулять на чистом воздухе. Журка с Васькой сейчас его слапали и ну тормозить его во все стороны.

— Не душите меня, сильномогучие богатыри! Я — царь над всеми раками, что прикажете, то и сделаю.

— Мы уронили кольцо в море, разыщи его и доставь, коли хочешь милости, а без этого всё твоё царство до конца разорим!

Царь-рак в ту же минуту созвал своих подчиненных и стал про кольцо расспрашивать. Вызвался один малый рак.

— Я, — говорит, — знаю, где оно находится. Как только упало кольцо в синее море, тотчас подхватила его рыба-белужина и проглотила на моих глазах.

Тут все раки бросились по морю разыскивать рыбу-белужину, зацапали её, бедную, и давай щипать клещами; уж они гоняли-гоняли её — просто на единый миг покоя не дают. Рыба и туда и сюда, вертелась-вертелась и выскочила на берег. Царь-рак вылез из воды и говорит коту Ваське да собаке Журке:

— Вот вам, сильномогучие богатыри, рыба-белужина, теребите её немилостиво: она ваше кольцо проглотила.

Журка бросился на белужину и начал её с хвоста уписывать. «Ну, — думает, — досыта теперь наемся!»

А шельма-кот знает, где скорее кольцо найти, принялся за белужье брюхо, прогрыз дырку, повытаскивал кишки и живо на кольцо напал. Схватил кольцо в зубы и давай бог ноги — что есть силы бежать, а на уме у него такая думка: «Прибегу я к хозяину, отдам ему кольцо и похваюсь, что один всё устроил. Будет меня хозяин и любить и жаловать больше, чем Журку!»

Тем временем Журка наелся досыта, смотрит — где же Васька? И догадался, что товарищ его себе на уме: хочет неправдой у хозяина выслужиться.

— Так врѣшь же, плут Васька! Вот я тебя нагоню, в мелкие куски разорву!

Побежал Журка в погоню, долго ли, коротко ли — нагоняет он кота Ваську и грозит ему бедой неминуею. Васька усмотрел в поле берѣзку, вскарабкался на неё и засел на самой верхушке.

— Ладно! — говорит Журка. — Всю жизнь не проси-

дишь на дереве, когда-нибудь и слезть захочешь, а уж я ни шагу отсюда не сделаю.

Три дня сидел кот Васька на берёзе, три дня караулил его Журка, глаз не спускал; проголодались оба и согласились на мировую.

Помирились и отправились вместе к своему хозяину. Прибежали к столбу, Васька вскочил в окошечко и спрашивает:

— Жив ли, хозяин?

— Здравствуй, Васька! Я уж думал, вы не воротитесь. Три дня, как без хлеба сижу.

Кот подал ему чудодейное кольцо. Мартынка дождался глухой полночи, перекинул кольцо с руки на руку — тотчас явилось к нему двенадцать молодцов:

— Что угодно, что надобно?

— Поставьте, ребята, мой прежний дворец, и мост хрустальный, и собор пятиглавый и перенесите сюда неверную жену. Чтобы к утру всё было готово.

Сказано — сделано. Поутру проснулся король, вышел на балкон, посмотрел в подзорную трубочку: где избушка стояла, там высокий дворец выстроен, от того дворца до королевского хрустальный мост тянется, по обеим сторонам моста растут деревья с золотыми и серебряными яблоками. Король приказал заложить коляску и поехал разведать, впрямь ли всё стало по-прежнему или только ему привиделось.

Мартынка встречает его у ворот.

— Так и так, — докладывает, — вот что со мной королевна сделала!

Король присудил её казнить: взяли неверную жену, привязали к хвосту дикого жеребца и пустили его в чистое поле; жеребец полетел стрелою и размыкал её по ярам, по крутым оврагам.

А Мартынка и теперь живёт, хлеб жуёт.

Финист — ясный сокол

Жил да был крестьянин. Умерла у него жена, осталось три дочки. Хотел старик нанять работницу — в хозяйстве помогать. Но меньшая дочь Марьюшка сказала:

— Не надо, батюшка, нанимать работницу, сама я буду хозяйство вести.

Ладно. Стала дочка Марьюшка хозяйство вести. Всё-то она умеет, всё-то у неё ладится. Любил отец Марьюшку: рад был, что такая умная да работающая дочка растёт. Из себя-то Марьюшка красавица писаная. А сёстры её завидующие да жаднующие, из себя-то они некрасивые, а модницы-перемодницы — весь день сидят да белятся, да румянятся, да в обновки наряжаются, платье им — не платье, сапожки — не сапожки, платок — не платок.

Поехал отец на базар и спрашивает дочек:

— Что вам, дочки, купить, чем порадовать?

И говорят старшая и средняя дочки:

— Купи по полшалку, да такому, чтоб цветы покружнее, золотом расписанные.

А Марьюшка стоит да молчит. Спрашивает её отец:

— А что тебе, доченька, купить?

— Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста-ясна сокола.

Приезжает отец, привозит дочкам полшалки, а пёрышка не нашёл.

Поехал отец в другой раз на базар.

— Ну, — говорит, — дочки, заказывайте подарки.

Обрадовались старшая и средняя дочки:

— Купи нам по сапожкам с серебряными подковками.

А Марьюшка опять заказывает:

— Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста-ясна сокола.

Ходил отец весь день, сапожки купил, а пёрышка не нашёл. Приехал без пёрышка.

Ладно. Поехал старик в третий раз на базар, а старшая и средняя дочки говорят:

— Купи нам по платью:

А Марьюшка опять просит:

— Батюшка, купи пёрышко Финиста-ясна сокола.

Ходил отец весь день, а пёрышка не нашёл. Выхал из города, а навстречу старенький старичок.

— Здорово, дедушка!

— Здравствуй, милый! Куда путь-дорогу держишь?

— К себе, дедушка, в деревню. Да вот горе у меня: меньшая дочка наказывала купить пёрышко Финиста-ясна сокола, а я не нашёл.

— Есть у меня такое пёрышко, да оно заветное; но для доброго человека, куда ни шло, отдам.

Вынул дедушка пёрышко и подаёт, а оно самое обыкновенное. Едет крестьянин и думает: «Что в нём Марьюшка нашла хорошего?»

Привёз старик подарки дочкам, старшая и средняя наряжаются да над Марьюшкой смеются:

— Как была ты дурочка, так и есть. Нацепи своё пёрышко в волоса да красуйся!

Промолчала Марьюшка, отошла в сторону, а когда все спать легли, бросила Марьюшка пёрышко на пол и проговорила:

— Любезный Финист-ясный сокол, явись ко мне, жданный мой жених!

И явился ей молодец красоты неописанной. К утру молодец ударился об пол и сделался соколом. Отворила ему Марьюшка окно, и улетел сокол к синему небу.

Три дня Марьюшка привечала к себе молодца; днём он летает соколом по синему поднебесью, а к ночи прилетает к Марьюшке и делается добрым молодцем.

На четвёртый день сёстры злые заметили — наговорили отцу на сестру,

— Милые дочки, — говорит отец, — смотрите лучше за собой!

«Ладно, — думают сёстры, — посмотрим, как будет дальше».

Натыкали они в раму острых ножей, а сами притаились, смотрят.

Вот летит ясный сокол. Долетел до окна и не может попасть в комнату Марьюшки. Бился-бился, всю грудь изрезал, а Марьюшка спит и не слышит. И сказал тогда сокол:

— Кому я нужен, тот меня найдёт. Но это будет нелегко. Тогда меня найдёшь, когда трое башмаков железных износишь, трое посохов железных изломаешь, трое колпаков железных порвёшь.

Услышала это Марьюшка, вскочила с кровати, посмотрела в окно, а сокола нет, и только кровавый след на окнах остался. Заплакала Марьюшка горькими слезами — смыла слёзками кровавый след и стала ещё краше.

Пошла она к отцу и проговорила:

— Не брани меня, батюшка, отпусти в путь-дорогу дальнюю. Жива буду — свидимся, умру — так, знать, на роду написано.

Жалко было отцу отпускать любимую дочку, но отпустил.

Заказала Марьюшка трое башмаков железных, трое посохов железных, трое колпаков железных и отправилась в путь-дорогу дальнюю искать желанного Финиста-ясна сокола. Шла она чистым полем, шла тёмным лесом, высокими горами. Птички весёлыми песнями ей сердце радовали, ручейки лицо белое умывали, леса тёмные привечали. И никто не мог Марьюшку тронуть: волки серые, медведи, лисицы — все звери к ней сбегались. Износила она башмаки железные, посох железный изломала и колпак железный порвала.

И вот выходит Марьюшка на поляну и видит: стоит избушка на курьих ножках — вертится. Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит

там баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке¹, а нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста-ясна сокола.

— О, красавица, долго тебе искать! Твой ясный сокол за тридевять земель, в тридевятном государстве. Опоила его зельем царица-волшебница и женила на себе. Но я тебе помогу. Вот тебе серебряное блюдечко и золотое яичко. Когда придёшь в тридевятое царство, наймись работницей к царице. Покончишь работу — бери блюдечко, клади золотое яичко, само будет кататься. Станут покупать — не продавай. Просись Финиста-ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. Потемнел лес, страшно стало Марьюшке, боится и шагнуть, а навстречу кот. Прыгнул к Марьюшке и замурлыкал:

— Не бойся, Марьюшка, иди вперёд. Будет ещё страшнее, а ты иди и иди, не оглядывайся.

Потёрся кот спинкой и был таков, а Марьюшка пошла дальше. А лес стал ещё темней. Шла, шла Марьюшка, сапоги железные износила, посох поломала, колпак порвала и пришла к избушке на курьих ножках. Вокруг тын, на кольях черепа, и каждый череп огнём горит.

Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста-ясна сокола.

— А у моей сестры была?

— Была, бабушка.

— Ладно, красавица, помогу тебе. Бери серебряные пальцы, золотую иголочку. Иголочка сама будет выши-

¹ На перекладине.

вать серебром и золотом по малиновому бархату. Будут покупать — не продавай. Просись Финиста-ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. А в лесу стук, гром, свист, черепа лес освещают. Страшно стало Марьюшке. Глядь, собака бежит:

— Ав-ав, Марьюшка, не бойся, родная, иди. Будет ещё страшнее, не оглядывайся.

Сказала и была такова. Пошла Марьюшка, а лес стал ещё темнее. За ноги её цепляет, за рукава хватает... Идёт Марьюшка, идёт и назад не оглянется.

Долго ли, коротко ли шла — башмаки железные носила, посох железный поломала, колпак железный порвала. Вышла на полянку, а на полянке избушка на курьих ножках, вокруг тын, а на кольях лошадиные черепа; каждый череп огнём горит.

Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом!

Повернулась избушка к лесу задом, а к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос. Сама чёрная, а во рту один клык торчит.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет. Красная девушка, дело пытаешь, аль от дела лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста-ясна сокола.

— Трудно, красавица, тебе будет его отыскать, да я помогу. Вот тебе серебряное донце, золотое веретёнце. Бери в руки, само прясть будет, потянется нитка не простая, а золотая.

— Спасибо тебе, бабушка.

— Ладно, спасибо после скажешь, а теперь слушай, что тебе накажу: будут золотое веретёнце покупать — не продавай, а просись Финиста-ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла, а лес зашумел, загудел; поднялся свист, совы закружились, мыши из нор повылезли — да все на Марьюшку. И видит Марьюшка — бежит навстречу серый волк.

— Не горюй, — говорит он, — а садись на меня и не оглядывайся.

Села Марьюшка на серого волка, и только её и ви-

дели. Впереди степи широкие, луга бархатные, реки медовые, берега кисельные, горы в облака упираются. А Марьюшка скачет и скачет. И вот перед Марьюшкой хрустальный терем. Крыльцо резное, оконца узорчатые, а в оконце царица глядит.

— Ну, — говорит волк, — слезай, Марьюшка, иди и нанимайся в прислуги.

Слезла Марьюшка, узелок взяла, поблагодарила волка и пошла к хрустальному дворцу. Поклонилась Марьюшка царице и говорит:

— Не знаю, как вас звать, как величать, а не нужна ли вам будет работница?

Отвечает царица:

— Давно я ищу работницу, но такую, которая могла бы пряхсть, ткать, вышивать.

— Всё это я могу делать.

— Тогда проходи и садись за работу.

И стала Марьюшка работницей. День работает, а наступит ночь — возьмёт Марьюшка серебряное блюдечко и золотое яичко и скажет:

— Катись, катись, золотое яичко, по серебряному блюдечку, покажи мне моего милого.

Покатится яичко по серебряному блюдечку, и предстанет Финист-ясный сокол. Смотрит на него Марьюшка и слезами заливается:

— Финист мой, Финист-ясный сокол, зачем ты меня оставил одну, горькую, о тебе плакать!

Подслушала царица её слова и говорит:

— Продай ты мне, Марьюшка, серебряное блюдечко и золотое яичко.

— Нет, — говорит Марьюшка, — они непродажные. Могу я тебе их отдать, если позволишь на Финиста-ясна сокола поглядеть.

Подумала царица, подумала.

— Ладно, — говорит, — так и быть. Ночью, как он уснёт, я тебе его покажу.

Наступила ночь, и идёт Марьюшка в спальню к Финисту-ясну соколу. Видит она — спит её сердечный друг сном непробудным. Смотрит Марьюшка — не посмотрится, целует в уста сахарные, прижимает к груди белой, — спит, не пробудится сердечный друг.

Наступило утро, а Марьюшка не добудилась милого...

Целый день работала Марьюшка, а вечером взяла серебряные пальцы да золотую иголочку. Сидит вышивает, сама приговаривает:

— Вышивайся, вышивайся, узор, для Финиста-ясна сокола. Было бы чем ему по утрам вытираться.

Подслушала царица и говорит:

— Продай, Марьюшка, серебряные пальцы, золотую иголочку.

— Я не продам, — говорит Марьюшка, — а так отдам, разреши только с Финистом-ясным соколом свидеться.

Подумала та, подумала.

— Ладно, — говорит, — так и быть, приходи ночью.

Наступает ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту-ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

— Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист-ясный сокол крепким сном. Будила его Марьюшка — не добудилась.

Наступает день.

Сидит Марьюшка за работой, берёт в руки серебряное донце, золотое веретёнце. А царица увидела:

— Продай да продай!

— Продать не продам, а могу и так отдать, если позволишь с Финистом-ясным соколом хоть часок побыть.

— Ладно, — говорит та.

А сама думает: «Все равно не разбудит».

Настала ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту-ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

— Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист, не просыпается.

Будила, будила — никак не может добудиться, а рассвет близко.

Заплакала Марьюшка:

— Любезный ты мой, Финист-ясный сокол, встань, пробудись, на Марьюшку свою погляди, к сердцу своему её прижми!

Упала Марьюшкина слеза на голое плечо Финиста-ясна сокола и обожгла. Очнулся Финист-ясный сокол, осмотрелся и видит Марьюшку. Обнял её, поцеловал:

— Неужели это ты, Марьюшка? Трое башмаков износила, трое посохов железных изломала, трое колпаков

железных поистрепала и меня нашла? Поедем же теперь на родину.

Стали они домой собираться, а царица увидела и приказала в трубы трубить, об измене своего мужа оповестить.

Собрались князья да купцы, стали совет держать, как Финиста-ясна сокола наказать.

Тогда Финист-ясный сокол говорит:

— Которая, по-вашему, настоящая жена: та ли, что крепко любит, или та, что продаёт да обманывает?

Согласились все, что жена Финиста-ясна сокола Марьюшка.

И стали они жить-поживать да добра наживать. Поехали в свое государство, пир собрали, в трубы за-трубили, в пушки запалили, и был пир такой, что и теперь помнят,

СОДЕРЖАНИЕ

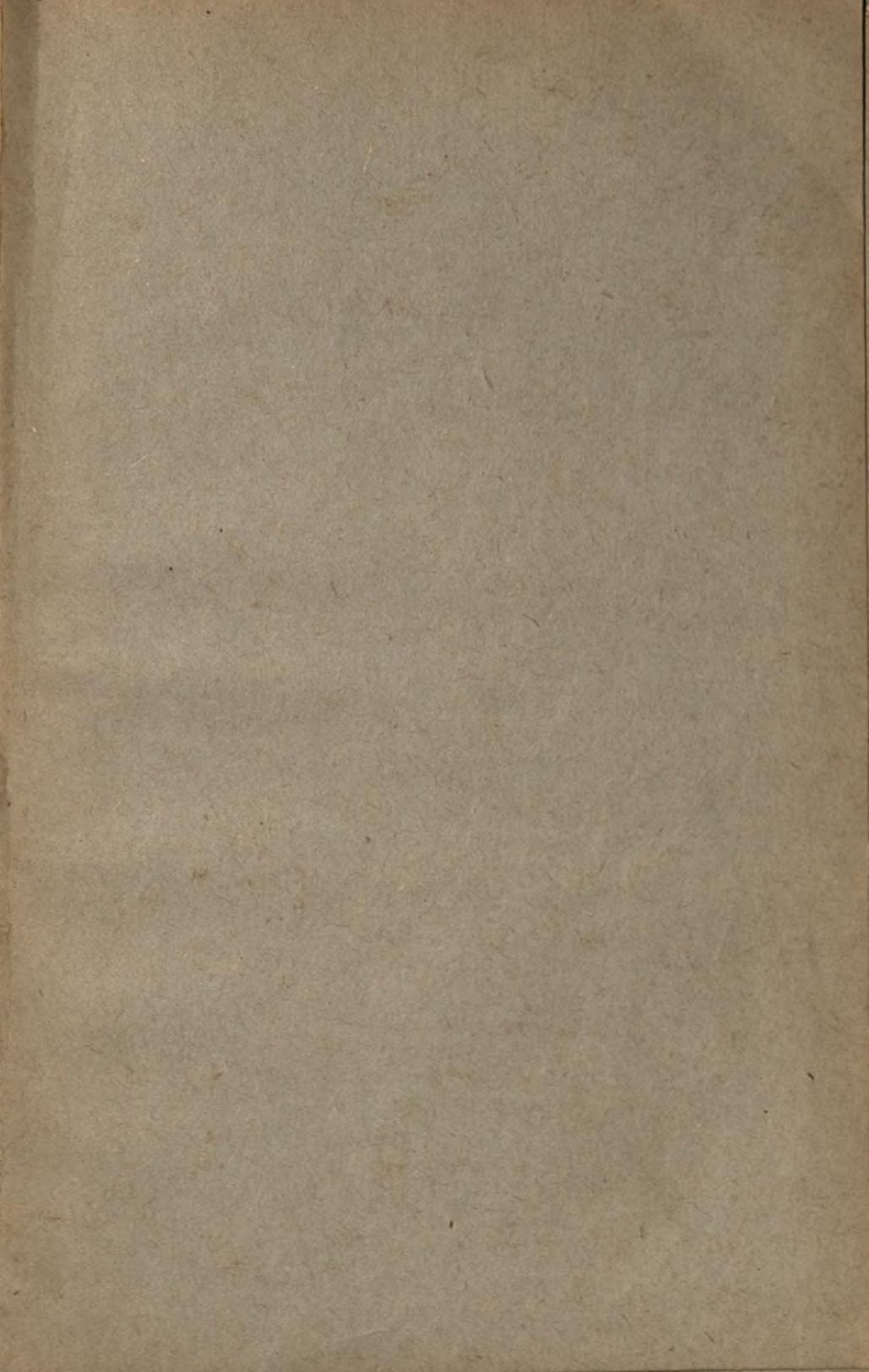
Царевна-лягушка	3
Гуси-лебеди	10
Сказка о серебряном блюдечке	13
Семилетка	18
Никита Кожемяка	22
Лиса и тетерев	24
Мужик и медведь	26
Барин и плотник	28
Хаврошечка	31
Лиса и журавль	34
Журавль и цапля	36
Как мужик гусей делил	38
Беззаботный монастырь	40
Шемякин суд	43
Находчивый солдат	46
Чивы-чивы-чивычок	48
Лиса и дрозд	50
Лиса и волк	53
Сказка про Василису Премудрую	56
Петухан Курьханович	72
Сивка-Бурка	74
Кузьма Скоробогатый	78
Каша из топора	83
Солдат и царица	85
Солдатская шинель	93
Сестрица Алёнушка и братец Иванушка	95
Кот и лиса	98
Чудесные ягоды	102
Болтливая баба	112
Зимовье зверей	116
Бой на Калиновом мосту	120
Про бедного и богатого брата	127
Как барин коней высиживал	130
Медведь-липовая нога	132
Как мужик с барином обедал	134
Мужик и царь	136
Волшебное кольцо	139
Финист-ясный сокол	152

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Редактор *Т. А. Шлыкова*
 Худож. редактор *М. В. Тарасова*
 Техн. редактор *Н. Г. Неудакина*
 Корректор *М. Ф. Кузьмичев*

Подписано к печати 20 ноября 1957 г.
 Бумага 84×108^{1/2} 2,5 бум. л., 10 печ. л. Уч.-изд. 8,4 л.
 Тираж 50 000 экз. Цена 4 руб.

2-я книжная типография Облполиграфиздата.
 г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 960.

Цена 4 руб.

